

СПЕРАНСКІЙ

II

ЕГО РЕФОРМЫ ВЪ СИБИРИ

Государственная дѣятельность Сперанскаго и его преобразовательные планы въ лучшую эпоху его жизни достаточно извѣстны и были не разъ выясняемы исторической литературой. Не менѣе интересною является его дѣятельность по отношенію къ Сибири, наполнившая другую часть его жизни и имѣвшая свою исторію и самостоятельное значеніе. Недаромъ пребыванію Сперанскаго въ Сибири придается огромное значеніе въ исторіи этой страны и выставляется особою эпохою, съ которой началась новая жизнь въ этихъ отдаленныхъ провинціяхъ. Сперанскому, говорятъ, обязана Сибирь уничтоженіемъ старой системы управленія, искорененіемъ вѣковыхъ злоупотребленій, измѣненіемъ нравовъ и, наконецъ, созданіемъ новаго законодательства и лучшихъ формъ мѣстнаго управленія. Сперанскимъ отдѣляется Сибирь XIX-го столѣтія отъ Сибири XVIII и XVII-го столѣтій. Онъ считается единственнымъ реформаторомъ, котораго видѣла Сибирь и дѣятельность котораго оставила глубокое впечатлѣніе во всей ея исторической жизни. Потому особенно важно оцѣнить историческое значеніе реформы Сперанскаго въ связи какъ съ предшествовавшею, такъ и послѣдующею сибирскою исторіей.

Отправленіе Сперанскаго въ Сибирь, какъ администратора вполне честнаго, даровитаго и образованнаго, имѣло уже значе-

ніе само по себѣ, но это значеніе усиливается въ виду тѣхъ особыхъ порученій, которыя ему были сдѣланы. Дѣятельность его была притомъ многосторонняя: онъ производилъ ревизію края, завѣдывалъ его управленіемъ, наконецъ, составилъ для него особое положеніе. Онъ являлся во всемъ не какъ простой администраторъ, но какъ государственный человѣкъ, которому было предложено самому изучить нужды края. Ему было поручено, какъ выражается рескриптъ Александра I, «сообразить на мѣстѣ полезнѣйшее устройство и управленіе сего отдаленнаго края и сдѣлать оному начертаніе».

Къ сожалѣнію, оцѣнки реформамъ Сперанскаго въ Сибири до сихъ поръ не было сдѣлано, такъ какъ исторія Сибири вообще мало разрабатывается, и самыхъ матеріаловъ и свѣдѣній о пребываніи Сперанскаго въ этомъ краѣ не было собрано. Въ послѣднее время, однако, начали появляться въ печати документы, относящіеся къ сибирской эпохѣ дѣятельности Сперанскаго, и особенно богатый вкладъ составляетъ трудъ г. Вагина: «Историческія свѣдѣнія о дѣятельности графа Сперанскаго въ Сибири съ 1819 по 1822 г.», изданныя въ двухъ томахъ съ приложеніемъ и документами, которыми мы преимущественно и пользуемся, равно какъ и письмами Сперанскаго, изданія Публичной бібліотеки, книгою Корфа и другими документами, разбѣянными въ періодическихъ изданіяхъ.

Оцѣнка реформы Сперанскаго въ Сибири и разсмотрѣніе выработанныхъ имъ основъ имѣетъ особую важность, какъ въ виду вновь возникающаго обсужденія вопросовъ по управленію этимъ краемъ, его административнаго дѣленія, такъ и готовящихся реформъ для него.

I.

Управленіе Сибирью представляло всегда громадныя затрудненія, такъ какъ этотъ край былъ завоеванный, въ которомъ приходилось удерживать новопріобрѣтенныя земли, умирять инородцевъ, вести дипломатическія сношенія съ азіатскими странами, заводить торговлю, отыскивать промыслы, колонизировать страну и обезпечивать ея продовольствіе. Къ этому еще присоединялась чрезвычайная отдаленность Сибири отъ Москвы и Петербурга на цѣлыя тысячи верстъ, а слѣдовательно и отъ правительственнаго надзора. Въ этомъ и состояла всегда «особенность управленія» этимъ краемъ. Съ одной стороны, свойство дѣятельности въ краѣ требовало особыхъ

полномочій, быстрой распорядительности и обозрѣнія дѣлъ на мѣстѣ, съ другой — отдаленность края требовала особеннаго контроля и надзора за правителями, такъ какъ въ этомъ краѣ всего легче могли развиваться злоупотребленія, произволъ и самовластіе. Въ преобладаніи того или другого изъ этихъ началъ, въ борьбѣ ихъ и трудности соединить обѣ эти задачи заключается вся исторія сибирскаго управленія и до Сперанскаго, и послѣ него.

Въ древнее время посылались сюда воеводы, облеченные громадною властью, имъ предоставлялось неограниченно завѣдывать всѣми частями управленія: войскомъ, судомъ, сборомъ ясака; кромѣ того, имъ поручались промышленныя казенныя монополіи: торговля мѣхами, виномъ, табакомъ, ревенемъ, мамонтовою костью и проч. Сначала правительство во взглядѣ на Сибирь руководствовалось завоевательными соображеніями, потомъ фискальными. Управление вѣрялось совершенно усмотрѣнію воеводъ: «дѣлать по тамошнему дѣлу и по своему высмотру, какъ пригоже и какъ Богъ вразумитъ», говаривалось въ инструкціяхъ. Впослѣдствіи, съ Петра I, власть воеводъ, перешедшая къ генераль-губернатору, была столь же обширна и безконтрольна: все вѣрялось правителю, его усмотрѣнію и соображеніямъ. Отсюда были два послѣдствія: самовластіе и развитіе злоупотребленій. Въ первое же время безконтрольность воеводъ породила такія злоупотребленія, что высшее московское правительство должно было начать борьбу съ ними. Чтобы предупредить злоупотребленія воеводъ, имъ запрещалось имѣть мѣха и имущества болѣе, чѣмъ необходимо; по возвращеніи ихъ изъ Сибири, ихъ обыскивали съ женами, дѣтьми и домохадцами; но столь наивныя мѣры, конечно, не помогали злу. Воеводы наживались, да и на самое назначеніе они смотрѣли какъ на наживу. Впослѣдствіи замѣнившіе воеводъ правители были не лучше ихъ, и сосредоточеніе власти въ Сибири въ рукахъ одного или нѣсколькихъ правителей вело къ одному и тому же. Самая нажива и хищничество считались совершенно законнымъ, естественнымъ въ новозавоеванномъ краѣ и вырабатывались постепенно исторіей и жизнью этой страны. Военный поборъ и контрибуціи постепенно переходили во взятку при гражданскомъ управленіи; «полонъ» переходилъ въ кабалу и рабство инородца, съ татарина переносился на русскаго, военачальническая власть со всѣми привычками оставалась и при гражданскомъ управленіи, — рѣзкой черты между ними не было; абсолютное повиновеніе, требуемое завоевателемъ, переносилось и на колониста; промышленная монополія въ пользу правительства возбуждала духъ той же промышленной наживы и въ воеводахъ; экс-

плуатація всякаго рода практиковалась какъ частными лицами, такъ и воеводами. Взглядъ на край, какъ на мѣсто наживы, былъ твердо усвоенъ сверху до низу и вошелъ въ нравы сибирской жизни. Страна эта не имѣла и тѣни гражданскаго полнoprавія, и потому вплоть до настоящаго столѣтія славилась громаднымъ взяточничествомъ. Строгіе указы противъ грабителей посылались сюда постоянно, воеводѣ часто смѣняли, отдавали подъ судъ, иногда даже били кнутомъ, но все это не помогало дѣлу. Разныя «конфузіи» и беспорядки въ Сибири не прекращались, и отъ управителей обыватели терпѣли по прежнему несносное разореніе. Начиная съ Петра I, наказанія правителей усилились: ихъ ссылали на каторгу, имъ вырывали ноздри, ихъ били кнутомъ, имъ рубили головы; но ни казни, ни каторга не могли истребить того, чтѣ до мозга костей проникло въ нравы. Взяточничество и послѣ петровской реформы осталось такимъ же, какимъ было и до нея. «Крестьянамъ,—писалъ де-Геннинъ Петру — крестьянамъ бѣднымъ разореніе отъ судей, и въ городахъ отъ земскихъ управителей и въ слободахъ зѣло тягостно и безъ охраненія, а купечество же и весьма разорилось, такъ что едва посадскаго капиталиста сыскать можно. И хотя здѣсь всѣмъ извѣстенъ *экземпль*, учиненный князю Гагарину (т.-е. казнь его за взятки), однако, здѣсь въ Сибири не унижаются бездѣльники. Отъ земскихъ комиссаровъ лишніе сборы чинятъ и обиды народу. Судебные комиссары дѣлаютъ великія пакости и неправды. И хотя челобитныя и донесенія на нихъ отъ бѣдныхъ людей есть, но никакого розыска и рѣшенія не чинится, и на кого бьютъ челомя, тѣ по волѣ ходятъ, и знаемо (т.-е. извѣстно), что такимъ ворамя потачки отъ надворныхъ судей. Также объ учиненныхъ обидахъ отъ солдатъ разсмотрѣній и резолюцій не чинится. А камериры своимъ подчиненнымъ, также надворные судьи и магистратъ своимъ подчиненнымъ потакаютъ». Изъ этой картины, представленной де-Генниномъ, видно, что взяточничество и поборъ охватывали въ XVIII-мъ ст. въ Сибири всѣхъ лицъ, всѣ учрежденія съ высшаго до низшаго, всѣ судебныя и административныя должности. Брали всѣ, начиная съ губернатора и кончая канцеляристомъ; брали всѣмъ, чтѣ имѣлъ обыватель. Такъ дѣло идетъ въ продолженіи всего XVIII-го столѣтія. Жолобовъ, казненный въ 1736 году, злохитростными вымыслами изъ великихъ себѣ взятокъ составилъ огромное состояніе: онъ бралъ всѣмъ, начиная съ золота и драгоценныхъ мѣховъ, кончая мясомъ и яйцами. Иркутскій ревизоръ Крыловъ вымучилъ у иркутскихъ жителей одними деньгами до ста-пятидесяти-пяти

тысячъ рублей. Развитие злоупотребленій являлось слѣдствіемъ настолько же громадной власти, сосредоточенной въ однихъ рукахъ, насколько и полной безконтрольности. Правители, пока жили въ Сибири, не боялись никого и ничего. Часто они не обращали вниманія на царскіе указы и дѣйствовали наперекоръ имъ. Такъ, какой-то воевода Вяземскій, не только «дворовъ и папешъ и сѣнныхъ покосовъ охотникамъ, согласно царскому указу, не далъ, но и посыльщика, съ которымъ была послана царская грамота, убилъ и изувѣчилъ». Власть надъ личностью и имуществомъ при такомъ порядкѣ дѣлъ была полная. Воеводы и губернаторы въ XVIII-мъ столѣтіи отличались желѣзнымъ управленіемъ. Тѣлесныя наказанія, кнуты, темницы и пытки «огонь и желѣзо» были орудіями этого управленія. Произвольныя конфискаціи имущества, заточеніе и казни личностей, которыхъ имущество хотѣлъ приобрести воевода, были въ полномъ ходу. Нигдѣ самовластіе не достигало такихъ размѣровъ, нигдѣ правители не являлись такими всемогущими, какъ въ Сибири, въ прошломъ столѣтіи. Они окружали себя царскими почестями и пользовались неограниченной властью. Уже воеводы задавали пирь на весь міръ, и кто къ нимъ ни являлся на торжество, долженъ былъ доставлять приношеніе. Генераль-губернаторъ Гагаринъ употребилъ свою власть въ Сибири, чтобы скопить огромное состояніе, онъ украсилъ домъ свой какъ дворецъ, на потолокъ у него былъ акварій съ дорогими рыбами, лошади подковывались золотомъ и серебромъ. Намѣстники еще болѣе кичились властью, и въ 1782 г., когда Кошкинъ открывалъ намѣстничество, онъ стоялъ на императорскомъ тронѣ и принималъ поклоненіе отъ всѣхъ сибирскихъ народностей. При немъ также задавались пиршества для народа съ жареными быками. Дворы губернаторскіе были набиты челядинцами. У Чичерина было 150 гайдуковъ, Якоби привезъ съ собою 40 человекъ однихъ музыкантовъ. Нѣмцовъ завелъ лейбъ-стражу, подъ названіемъ «глухой команды». Въ Иркутскѣ одинъ губернаторъ изъ подражанія архіерею, которому звонили, приказалъ при своемъ выѣздѣ стрѣлять изъ пушекъ. Главный начальникъ Нерчинскихъ заводовъ, Нарышкинъ, устраивалъ пиры, разбрасывалъ казенныя деньги, составилъ себѣ лейбъ-стражу изъ крестьянъ и каторжниковъ, изъ бурятъ сформировалъ *красный гусарскій полкъ* и бралъ мирные города. Словомъ, сибирскіе управители стремились постоянно къ «вицеройству», ихъ охватывало упоеніе властью, и они желали выказатъ себя безотвѣтственными и исполнѣ независимыми. Генераль-губернатора Гагарина даже подозрѣвали, что онъ хотѣлъ

отдѣлить Сибирь и сдѣлаться независимымъ. Другіе правители не уступали ему въ пышности и гордости. Стремленіе къ вицеройству отзывалось и далеко позднѣе въ сибирской исторіи: оно вошло въ привычку правителей. Сибирскіе правители, привыкая распоряжаться независимо, часто даже сами начинали убѣждаться, что они никому не обязаны отчетомъ и не признавали являвшихся на смѣну личностей. Отдаленная провинція поэтому не разъ повергалась въ анархію. На смѣну взяточника Жолобова, напримѣръ, въ 1733 г. явился новый губернаторъ Сытинъ, но по пріѣздѣ онъ захворалъ и вскорѣ умеръ, поручивъ исполненіе своей должности полковнику Бухольцу. Но Бухольцъ, не имѣя предписанія свыше, не смѣлъ ѣхать въ Иркутскъ. Жолобовъ также не признавалъ своей смѣны. Тогда въ Иркутскѣ составилось временное правительство изъ подъячаго Татаринова, атамана Лисовскаго и епископа Иннокентія. Члены этого временнаго правительства убѣдили иркутское общество просить сибирскую канцелярію назначить губернаторомъ *малолѣтняго сына Сытина*, подъ опекою полковника Бухольца. Но Жолобовъ, путемъ интригъ, и упросивъ бургомистра и купцовъ подать голосъ за него, снова добился исправленія должности. Получивъ указъ опять о назначеніи, онъ обрушился мстью на подъячаго Татаринова и всѣхъ, кого считалъ врагами, въ томъ числѣ Литвинцева. Онъ ставилъ ихъ на правель, билъ палками и истязалъ. Покончивши съ одними, Жолобовъ принимался за другихъ. Наконецъ, пріѣхалъ слѣдователь, бригадиръ Сухаревъ, и положилъ конецъ этимъ гоненіямъ. Для обузданія Жолобова и гонимыхъ имъ лицъ, Сухареву дана была цѣлая рота солдатъ. Подобно Жолобову, и многихъ другихъ правителей приходилось смѣнять только силою; точно также только при помощи военной команды могли смѣнить слѣдователя Крылова; смѣняли такимъ же путемъ и другихъ чиновниковъ. Изъ этого уже видно, какъ разрасталась власть сибирскихъ правителей. Нечего говорить, что передъ такою силою все должно было преклоняться, все трепетало. Въ случаѣ сопротивленія, при малѣйшихъ жалобахъ и оппозиціи, на жителей обрушался терроръ правителей, какимъ ознаменовывали себя Жолобовъ, Крыловъ и другіе. Не только пытки и кнуты были въ употребленіи, но прежніе правители нерѣдко примѣняли и смертную казнь.

Въ этотъ древній періодъ единственнымъ обузданіемъ мѣстныхъ начальниковъ для правительства служила ихъ строгая кара. Но какъ ихъ ни подвергали ответственности, какъ ни смѣняли, положеніе дѣлъ не измѣнялось. Являлись изрѣдка ревизоры для

обслѣдованія дѣлѣ на мѣстѣ, но, подобно Крылову, посланному при Екатеринѣ, преслѣдуя предшественниковъ, они сами доходили до величайшаго своеволю и сами начинали обирать жителей, пользуясь предоставленною имъ силою. Словомъ, каждая власть, какая только ни являлась въ Сибирь, немедленно же преобразжалась, усвоивала самовластіе и предавалась наживѣ.

Мы уже указали, что причины этого крылись не въ отдѣльных личностяхъ, но въ томъ положеніи, какое предоставлялось правителямъ въ этой отдаленной странѣ. Они незамѣтно приобрѣтали привычки самовластія вдали отъ контроля, при неограниченныхъ уполномочіяхъ, точно также какъ развитіе злоупотребленій, не встрѣчая ни откуда препятствій, явилось естественнымъ при отдаленности края и при тѣхъ искушеніяхъ къ обогащенію, какія представлялъ край.

Конецъ и начало нынѣшняго столѣтія повторили характеръ и нравы предшествовавшей эпохи въ сибирскомъ управленіи. Въ это время думали уничтожить зло бѣльшимъ довѣріемъ главнымъ начальникамъ и усиленіемъ ихъ власти. Для этого, въ 1783 г. было открыто въ Иркутскѣ намѣстничество. Первымъ намѣстникомъ иркутскимъ и колыманскимъ былъ генераль-поручикъ Якоби. «Губернія была раздѣлена на четыре области, и все это чиновначаліе деспотствовало», говоритъ иркутскій лѣтописецъ. Самъ Якоби былъ сатрапъ-сибаритъ. «Одно осталось о немъ въ памяти иркутянъ: пышно-весело жилъ». Подъ конецъ онъ отданъ былъ подъ судъ и томился подъ нимъ десять лѣтъ. «Мѣстное населеніе, подавленное, истощенное самовластіемъ и поборами, — говоритъ г. Вагинъ, — имѣло только одно средство — бороться съ ними жалобами и доносами». Въ прошлое столѣтіе жалоба и доносъ наказывались весьма жестоко, тѣмъ не менѣе видимъ, какъ во время террора Жолобова и Крылова жители и подсудимые выкрикивали «слово и дѣло», чтобы какъ-нибудь добиться правосудія; тогда подсудимаго заковывали, подъ строжайшимъ присмотромъ отсылали въ Москву или въ Петербургъ, гдѣ вновь ставили на правезь, причемъ онъ долженъ былъ объявить, о чемъ зналъ. Иногда успѣвали подсудимые разоблачать, что дѣлается въ Сибири и приносить свои жалобы, и тогда-то вотъ посылались ревизіи, какъ при Жолобовѣ. Въ концѣ прошлаго столѣтія общество стало смѣлѣе въ жалобахъ и доносахъ по поводу злоупотребленій. Вѣроятно, этому способствовало уничтоженіе «тайной канцеляріи». Но повѣрка доносовъ была затруднительна, обвиняемые всегда находили множество средствъ оправдаться. Дѣйствительно, управители Сибири долго и много от-

писывались, пока совершенно не запутывали дѣла. Примѣръ можно было видѣть на дѣлѣ Якоби. По этому поводу Екатерина надписала на немъ: «читано предъ нами нѣсколько тысячъ листовъ подъ названіемъ сибирскаго якобіевскаго дѣла, изъ коего мы иного ничего не усмотрѣли, кромѣ ябеды, сплетень и кляузъ». Этими словами было положено подозрѣніе на сибиряковъ, подозрѣніе совершенно неоправдавшееся, которое послужило къ дальнѣйшимъ недоразумѣніямъ. «Слова эти были клеймомъ на сибиряковъ, — говоритъ иркутскій лѣтописецъ, — за которое они въ послѣдствіи дорого заплатились. Горе отдаленной провинціи, — прибавляетъ онъ, — ежели правительство поставить между ей и собою оплотъ предубѣжденія». Тѣмъ не менѣе къ правителямъ Сибири правительство начинало быть бдительнѣе. Такъ, Нагель, при Павлѣ I, былъ привезенъ изъ Иркутска съ фельдъегеремъ для личнаго объясненія съ государемъ по поводу какого-то доноса, и снова возвращенъ, когда имп. Павелъ вспомнилъ, что его зналъ въ какомъ-то полку. Въ это время смѣны правителей дѣлаются только чаще. Такъ, послѣ Штрандмана былъ въ Иркутскѣ Леццино, гордый, надменный и сухой, какъ говоритъ о немъ лѣтописецъ. Леццино этотъ не поладилъ съ комиссаріатскимъ начальникомъ Новицкимъ и вызвалъ жалобы иркутскихъ жителей, увлекшись разведеніемъ огородовъ, обсаживаніемъ города березками и проч., чѣмъ тяготились жители. На ревизію прибылъ немедленно сенаторъ Селифоновъ. Онъ сошелся съ Новицкимъ и представилъ иркутскую губернію «въ такомъ бѣдственномъ положеніи, что на нее безъ слезъ взирать невозможно». Леццино былъ удаленъ немедленно отъ должности, а Селифонову приказано отъ правительства представить, какими мѣрами думаетъ онъ исправить положеніе Сибири. Его мнѣніе состояло въ томъ, чтобы Сибирь раздѣлить на три губерніи и соединить ее подъ управленіе одного генераль-губернатора, облеченнаго *особенною высочайшею довѣренностью*. Такимъ образомъ Селифоновъ вновь проектировалъ одно усиленіе власти. Оставался вопросъ, кого облечь властью. Назначили Селифонтова. При этомъ дана была ему особая инструкція для управленія, существовавшая 20 лѣтъ, вплоть до назначенія Сперанскаго. Сибирскіе правители въ это время успѣваютъ склонить правительство къ мнѣнію, что всѣ безпорядки въ Сибири происходятъ отъ ябеды и кляузъ мѣстныхъ жителей, а не отъ неистовствъ администраціи. Селифонову говорится въ инструкціи, что «по духу ябеды, издавна замѣченному между сибирскими жителями», тѣхъ, которые имѣютъ беспокойный характеръ и могутъ вліяніемъ своимъ

на общество препятствовать благимъ мѣрамъ правительства, ссы-
лать въ отдаленныя мѣста. Это послужило для сибирскихъ губер-
наторовъ правомъ карать челобитчиковъ. Опираясь на это право
впослѣдствіи, Трескинъ и Пестель развернули свою страшную
систему. Селифоновъ сочувствовалъ бѣдствующей иркутской губер-
ніи, какъ видно, только до тѣхъ поръ, пока не въѣхалъ въ Си-
бирь. Облеченный громадною властью, онъ явился «какъ Вице-
Рой, — говоритъ лѣтописецъ: — все пало ницъ и безмолствовало». Селифоновъ оставилъ жену въ Tobольскѣ, а въ Иркутскѣ при-
везъ свою наперсницу, мадамъ Бойе; она остановилась въ генераль-
губернаторскомъ домѣ. «Сейчасъ, — говоритъ тотъ же лѣтописецъ, —
догадались черезъ кого надобно обдѣлывать дѣла, и обдѣлывали». При Селифоновѣ управляли такимъ образомъ мадамъ Бойе и
секретарь Бакулинъ, который, раздѣливъ Сибирь на комис-
сарства, продавалъ ихъ управителямъ, кто больше дастъ. По-
рядки явились прежніе. При Селифоновѣ проѣзжало посольство
Головина. Губернаторъ Корниловъ между тѣмъ не ладилъ съ
Селифоновымъ, какъ Новицкій съ Леццино; онъ передалъ по-
ложенье дѣлу Головину. Дошло дѣло до Петербурга, и указомъ
былъ смѣненъ Селифоновъ, съ запрещеніемъ въѣзжать въ сто-
лицы. Такъ кончилось его вицекорейство. Послѣ Селифонтова
назначается Пестель, и привозитъ съ собою Трескина. Въ эту
эпоху мы видимъ, что самыя смѣны управителей и обличеніе
злоупотребленій, въ Сибири не прекращавшихся, являются только
орудіемъ для чиновничьихъ интригъ. Доносы и обличенія сыпа-
лись изъ Сибири, но каждый обличалъ предшествовавшій поря-
докъ съ тѣмъ, чтобы сѣсть на мѣсто предшественника и, забравъ
власть, подражать ему и дѣлать то же. Такимъ образомъ, самый
безпорядокъ въ Сибири служилъ поводомъ играть въ мѣста для
сибирскихъ чиновниковъ. Смѣна генераль-губернаторовъ не по-
могла дѣлу, а усиленіе ихъ власти и довѣріе становились только
средствомъ для нихъ раздѣлить отдаленную провинцію между
своими любимцами. Управление Пестеля послужило завершеніемъ
всего предшествовавшаго и послѣдней попыткой приложить спо-
собъ управленія самовластиа и подавленія.

Пестель, понимая ошибки своихъ предшественниковъ, рѣшился
первымъ дѣломъ упрочить свою власть въ Сибири и обезпечить ее на-
долго. Онъ управлялъ Сибирью 14 лѣтъ, до Сперанскаго, и въ это
время возвелъ предшествовавшую систему до крайняго развитія, опи-
раясь на всѣ предыдущія уполномочія и вытребовавъ новыя. Пестель
рѣшился начать управленіе не съ разоблаченія злоупотребленій, какъ
его предшественники, но съ уничтоженія жалобъ и пресѣченія вся-

кой возможности жаловаться. Тупой и ограниченный по способностямъ, но злой и самолюбивый, онъ явился въ Иркутскъ съ тѣмъ, чтобы вмѣсто привѣтствія объявить обществу: «при назначеніи меня генералъ-губернаторомъ въ Сибирь, первая моя всеподданнѣйшая просьба была, чтобы перемѣнить здѣсь бѣлые воротники. Я былъ въ Вяткѣ на слѣдствіи, и тамъ тоже бѣлые воротники, и всѣ на-голо ябедники». И Пестель засмѣялся гугнивымъ зловѣщимъ смѣхомъ (Пояснен. къ Иркутской Лѣт. въ Чтен. 1853 г., кн. 3, стр. 72). Такимъ образомъ, Пестель отнесся съ явнымъ недоувѣріемъ къ обществу и объявилъ, что будетъ искать причины зла въ немъ. По убѣжденіямъ, это былъ защитникъ всякаго начальническаго авторитета; утвердить такой авторитетъ онъ поставилъ свою цѣль, а общество должно было погрузиться въ безмолвное повиновеніе. Въ помощники онъ выбираетъ расторопнаго и распорядительнаго почтамтскаго чиновника Трескина, безъ котораго не рѣшался ѣхать въ Сибирь. Это былъ рабъ и наперсникъ Пестеля. Пестель ему безусловно вѣрилъ во все время своего управленія, онъ предоставилъ ему полную свободу и власть, какую только могъ ему передать на основаніи инструкции, а инструкция эта была всемогуща. Личность Трескина такъ характеризуетъ г. Вагинъ: «Это былъ человѣкъ умный и дѣльный», до извѣстной степени, конечно, «но его умъ и дѣятельность были—не государственнаго человѣка, а канцелярскаго и полицейскаго чиновника. Они были устремлены только на мелочи и многописаніе. Трескинъ былъ превосходный исполнитель, какъ большая часть людей этого рода, онъ могъ быть только хорошъ въ хорошихъ рукахъ. Его предоставили самому себѣ, облекли высокою властью. Въ немъ вполне развились полицейскія замашки того времени, и изъ него вышелъ невыносимый деспотъ». Какъ человѣкъ, какъ семьянинъ, Трескинъ даже былъ добръ; впрочемъ, подобныхъ качествъ не чужды самые кровавадныя звѣри, любящіе своихъ дѣтенышей.

Въ своемъ управленіи Трескинъ руководствовался вполне собственнымъ усмотрѣніемъ. «Законовъ онъ не исполнялъ, на министерскія приказанія не обращалъ никакого вниманія», сообщаютъ изслѣдованія г. Вагина; онъ позволялъ себѣ величайшія самоуправства. Его защитникъ и поклонникъ, Геденштромъ, говоритъ, что «губернію онъ считалъ вотчиною, а себя полновластнымъ въ ней приказчикомъ или управляющимъ». «Даже помѣщичій произволъ никогда не достигалъ въ Россіи такого развитія, какъ трескинскій произволъ въ иркутской губерніи. Его можно только сравнить съ произволомъ и мелочнымъ внимательствомъ Арак-

чеева въ военныхъ поселеніяхъ». Оставивъ расторопнаго и самовластнаго Трескина распоряжаться въ Сибири, Пестель уѣхалъ въ Петербургъ, и все время пребывалъ тамъ. Здѣсь онъ вліялъ и направлялъ по-своему сибирскія дѣла.

14-ти-лѣтнее управленіе Пестеля и Трескина было ознаменовано крупными злоупотребленіями, которыя достаточно выяснились, благодаря ревизіи Сперанскаго и собраннымъ нынѣ матеріаламъ. Взяточничество въ этотъ періодъ не только не уменьшилось, но еще лучше организовалось. Пресѣченіе всякой гласности, всякихъ жалобъ превратило его въ обыкновенный порядокъ. «Трескинъ имѣлъ достойныхъ сподвижниковъ,—пишетъ г. Вагинъ, на основаніи своихъ историческихъ матеріаловъ.—Жена и любимцы его безчинствовали открыто. Агнія Ѳедоровна, жена Трескина, была «женщина домовитая», какъ о ней говорили, и весьма притомъ не строгихъ правилъ. «Къ ней отправлялся всякій, кто хотѣлъ давать,—пишетъ иркутскій лѣтописецъ.—Исправники, комиссары безъ доклада могли входить въ уборную, даже въ спальню. Они называли чиновниковъ своими дѣтьми». Въ самомъ дѣлѣ, мѣста подъ конецъ всѣ были заняты чиновниками, привезенными Пестелемъ и Трескинымъ «изъ Москвы» (Вагинъ, с. II). Самъ Трескинъ подозрѣвался, что при заготовкѣ хлѣба въ казенные магазины чрезъ комиссаровъ онъ имѣлъ «знатный доходъ». Что касается взяточничества его жены, то оно было открытое. «Довольно странно было видѣть,—пишетъ иркутскій лѣтописецъ,—въ передней сидящаго лакея, фаворита барыни самой, записывающаго кто что принесъ, и толпу купцовъ съ кулками, со свертками, цибиками, съ анкерами и тому подобнымъ». Жители Иркутска, имѣвшіе дѣла, говорили, по отзывамъ старожиловъ: «вотъ, Агнесѣ Ѳедоровнѣ надо поклониться.—Купи мѣхъ соболей! Принесутъ мѣхъ, сторгуютъ его за пять, за шесть тысячъ, и мѣхъ возьмутъ, и деньги. Другому, третьему то же. Одинъ-то мѣхъ разъ 50 продавали» (Разсказъ Обухова, приложение къ 1 т., с. 565). Она брала соболями, муфтами, рассказываетъ другой старожилъ; взятки давали губернаторшѣ, проигрывая часто въ карты. «Она за взятки,—сообщаетъ третій современникъ,—раздавала мѣста. У нея былъ подставной Третьяковъ. У нихъ въ гостиномъ дворѣ были и лавочки, гдѣ они продавали, что имъ надарятъ» (Посельскій, прилож. къ изслѣд. Вагина, т. I, ст. 582). Агнія Ѳедоровна жила въ связи съ Бѣлявскимъ, секретаремъ мужа, который управлялъ не только за Трескина, а и за Пестеля; онъ былъ также взяточникъ. Кромѣ того, отличались взяточничествомъ главный довѣренный жены Трескина, Третьяковъ, засѣдатель Ге-

денштромъ, человекъ образованный, но въ то же время, по словамъ Корфа, «доносчикъ и развратникъ». Г. Вагинъ силился смягчить приговоръ Корфа за умъ и образованіе Геденштрома, но въ сущности это былъ образованный воръ. Наконецъ, Лоскутовъ, который, неистовствуя, нажилъ огромное состояніе.

Такой порядокъ долженъ былъ прикрывать Трескинъ, участвуя самъ въ наживѣ, какъ свидѣлствуютъ историческіе матеріалы. Трескину оставалось на выборъ—или измѣнить свою систему, или сойти съ своего поприща, или стереть недовольныхъ съ лица земли, и онъ выбралъ послѣднее. Бѣлявскій былъ правою рукою и злымъ гениемъ Трескина. «Все бездѣльники, въ бараній рогъ надобно согнуть», безпрестанно твердилъ онъ губернатору. «И подлинно гнули», говоритъ современникъ. Это было тѣмъ легче сдѣлать, что, какъ мы видѣли, самъ Пестель старался задавить всякій доносъ и преслѣдовать недовольныхъ. Начало своего управленія Пестель ознаменовываетъ гоненіями двухъ губернаторовъ, тобольскаго и томскаго: Хвостова и Корнилова, за то, что тѣ не соглашались съ его мнѣніями, и одинъ подалъ, помимо Пестеля, записку министру внутреннихъ дѣлъ объ улучшеніи края. «Къ преданію ихъ суду были выставлены не эти, а другіе доводы, но они были также ничтожны и грязны, какъ и первые» (Истор. изслѣд., т. I, ст. 6). Начальникъ провіантскаго депо въ Тобольскѣ генералъ Куткинъ о чемъ-то поспорилъ съ Пестелемъ, и тотъ нарочно хлопоталъ право себя предавать суду провіантскихъ и комиссаріатскихъ чиновниковъ. Тогда онъ открылъ *мнимыя* злоупотребленія по провіантской части и предалъ Куткина суду и домашнему аресту, устроивъ около дома его гауптвахту. Домъ, имѣніе его, фабрики около Тобольска были разорены. Самъ онъ посылалъ постоянно прошенія и ничего не могъ добиться. Сенатъ нѣсколько разъ предписывалъ освободить Куткина, но Пестель оставлялъ безъ исполненія сенатскіе указы. 11 лѣтъ Куткинъ содержался подъ арестомъ, разорился, наполнилъ Сибирь воплями своихъ прошеній и умеръ подъ стражею въ 1817 г.; жена его умерла отъ горя, дочь ослѣпла отъ слезъ (Истор. изслѣд., с. 7). На провіантскихъ чиновниковъ было открыто гоненіе, «какъ на жидовъ». «Употребляя во зло свое званіе сенатора, а потомъ члена государственнаго совѣта, Пестель настойчивымъ образомъ требовалъ самыхъ жестокихъ наказаній тѣмъ лицамъ, которыхъ преслѣдовалъ. Страсть его къ преслѣдованію доходила до мелочности. Нерѣдко сибирскія судныя дѣла переходили въ общее собраніе сената и въ государственный совѣтъ, единственно по несогласію Пестеля съ рѣшеніемъ другихъ сенаторовъ» (Истор.

свѣд. с. 7). «Крайнее самолюбіе, страсть къ произволу, потворство своимъ любимцамъ, неумолимая мстительность, — вотъ были отличительныя черты Пестеля», говорятъ матеріалы. Личное безкорыстіе Пестеля было подвергнуто большому сомнѣнію. «Не вѣрते бѣдности моего предмѣстника», писалъ Сперанскій.

Но если Пестель могъ простираť гоненія на лицъ сильныхъ и значительныхъ, то въ преслѣдованіи менѣе значительныхъ обывателей и подчиненныхъ онъ переходилъ всѣ границы. Произвольныя дѣйствія Трескина на первыхъ же порахъ вызвали сопротивленіе иркутскаго общества. Хозяйственная регламентація жизни и вмѣшательство Трескина превзошли всѣ ожиданія, какъ ни приучены были сибирскіе жители ко всякому вмѣшательству предшественниками Трескина. Трескинъ вздумалъ распланировать и перестроить заново Иркутскъ, который не славился въ это время опрятностью и рѣшился провести это дѣло необыкновенно энергично. Онъ приказалъ къ такому-то времени всѣ старые дома сломать, а когда хижины не были снесены, то къ сломкѣ приступила полиція (Т. I, с. 573—574). Онъ обходилъ городъ, входилъ къ жителямъ, вмѣшивался въ хозяйство, пробовалъ кушанье, чинилъ расправу, ежели что дурно приготовлено (с. 573). Онъ преслѣдовалъ, говорятъ, питье чая, запрещалъ въ огородахъ садить табакъ, насильственно заставилъ бурята заниматься земледѣліемъ, и, наконецъ, пробовалъ отвести рѣку, затопляя суда. Въ одной изъ жалобъ, поданныхъ на него, говорится: «Господинъ генераль-губернаторъ Пестель и губернаторъ Трескинъ приказали собирать въ полицію въ городѣ купеческихъ и мѣщанскихъ, а по деревнямъ крестьянскихъ дочерей подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы отдавать ихъ въ замужество за поселенцевъ, и что однимъ только отцамъ, матерямъ и родственникамъ извѣстно, чего стоила свобода, сопряженная съ безславіемъ дѣтей ихъ» (Записка Сибирякова, прилож. къ истор. свѣд. Вагина, с. 547). Иркутское общество, приучавшееся уже ранѣе заявлять свои жалобы и пытавшееся къ обнаруженію злоупотребленій и неправды въ Сибири при Якоби и Леццино, выставило кандидатомъ въ головы Михаила Ксенофоновича Сибирякова, личность почетную и умную въ городѣ. Такой представитель общества не могъ быть пріятенъ Трескину; онъ видѣлъ, что общество хочетъ съ нимъ бороться. Придравшись къ прежней подсудности Сибирякова, онъ предложилъ выбрать другого, но дума объявила, что она «дѣлаетъ новые выборы единственно изъ повиновенія распоряженіямъ начальства». Въ то же время дума и магистратъ отказались исполнить требованіе назначенія купцовъ при осмотрѣ пушныхъ товаровъ, опираясь справедливо,

что это не установленная повинность. Таковы были официальные причины, которыми было прикрито неудовольствіе Трескина и Пестеля. Но тайныя причины состояли въ подозрѣніи Сибирякова и Мыльниковъ въ составленіи доноса, посланнаго въ министерство внутреннихъ дѣлъ на дѣйствія губернскаго начальства.

Дѣйствительно, Трескинъ и Пестель выставили Сибирякова и Мыльниковъ «вредными нарушителями общественнаго спокойствія» предъ высшимъ начальствомъ. Пестель при этомъ рѣшился разомъ оклеветать общество и указать, что благому его управленію мѣшаетъ только безнравственность и пороки управляемыхъ. «Какое мѣстное начальство можетъ установить порядокъ общественный тамъ, гдѣ развратъ и самовольство состояются съ законными распоряженіями», писалъ онъ во всеподданнѣйшемъ рапортѣ 1808 г., «гдѣ уже мѣры кроткихъ взысканій тщетно были испытываемы и гдѣ дерзость укоренилась въ средоточіи общественномъ? Одни только примѣры неупустительнаго строжайшаго взысканія съ неповинующихъ могутъ подать способы и надежду возстановить по времени колеблемое развратомъ спокойствіе, котораго желаютъ многіе, но которое теряется въ собственномъ ихъ расположеніи къ заблужденіямъ». Пестель просилъ поэтому подвергнуть общество «чувствительнымъ и примѣрнымъ взысканіямъ», Сибирякова же, «за явное возмущеніе и проч.» въ примѣръ другимъ, какъ равно и Мыльникова, разослать по уѣзднымъ городамъ Иркутской губерніи. Добившись ихъ ссылки, какъ-бы «въ насмѣшку надъ сосланными», Трескинъ доносилъ, что имъ выбраны города, удобные для продолженія коммерческихъ оборотовъ, но, вмѣсто того, имъ не выдавали даже паспортовъ, прошенія не принимались. Когда родственники Сибирякова хлопотали въ Петербургѣ, Пестель храбро и бойко отписывался, что «иркутское общество только безъ нихъ можетъ находиться въ спокойствіи». Вступился за Сибиряковыхъ Сперанскій, бывший тогда въ силѣ, вступился Державинъ, но Пестель умѣлъ представить все по-своему и даже постоянно обижался запросами. Сибиряковъ такъ и умеръ въ ссылкѣ.

Установивъ въ глазахъ правительства свои воззрѣнія на ябедниковъ, Пестель и Трескинъ уже смѣлѣе начали преслѣдовать своихъ враговъ. Мы не имѣемъ возможности подробно излагать всѣ случаи, занесенные въ матеріалы, даже въ сухомъ изложеніи полные самыхъ потрясающихъ подробностей, и напоминающихъ какую-то мартирологію, да это и не относится къ нашей цѣли, имѣющей въ виду рассмотреть только самую систему мѣстнаго управленія до Сперанскаго, не останавливаясь на частно-

стяхъ. Достаточно сказать, что, также какъ въ Иркутскѣ Сибіраковъ и Мыльниковъ, въ Тобольскѣ нарушителемъ тишины выставлялся купецъ Полуяновъ. При Пестелѣ же былъ отданъ подъ судъ откупщикъ Передовщиковъ, взявшій винные откупа въ Сибіри, которые Трескинъ предварительно отдалъ уѣзднымъ мѣстнымъ откупщикамъ.

Предсѣдатель уголовной палаты Гарновскій и прокуроръ Петровъ протестовали противъ неправильнаго начатія дѣла, но были удалены отъ должности. Передовщиковъ же притѣснялся на допросахъ, его заставляли подписывать показанія противъ себя и, наконецъ, разоривъ, сослали въ каторжныя работы (Ист. свѣд., 20—22 и прил.). Такіе поступки власти не могли возбудить въ мѣстномъ населеніи особеннаго расположенія къ ней. Кромѣ того, у Передовщикова, Сибірякова и Мыльникова были родственники, знакомые, приверженцы. Все это называлось «*партіей* недовольныхъ», и употреблялись все мѣры, чтобы уничтожить ее. Изъ Иркутска были высланы братья Сибірякова въ Жиганскъ и за нимъ купецъ Дуборовскій. Подвергся преслѣдованію купецъ Киселевъ, человекъ умный, смѣлый и горячій. Не было благовиднаго повода поступить съ нимъ, какъ съ прочими, поэтому придумали другой способъ. Киселева объявили сумасшедшимъ и посадили въ больницу. Тамъ онъ пропалъ безъ вѣсти. Народная молва обвиняла въ этой смерти Третьякова, довѣреннаго и любимца Трескина, который былъ тогда смотрителемъ больницы. Гоненія обрушились даже на людей мелкихъ и незначительныхъ, какъ напримѣръ, на какого-то титулярнаго совѣтника Пѣтухова; служа въ уѣздномъ судѣ, онъ рѣшилъ дѣло не такъ, какъ хотѣлъ Пестель. Пѣтуховъ этотъ протестовалъ противъ рѣшенія уѣзднаго суда, постановленнаго въ угоду губернатору; за это онъ былъ отрѣшенъ отъ должности, а когда онъ подалъ жалобу на высочайшее имя,—это послужило поводомъ къ ссылке его въ Туруханскъ, потомъ въ Мезень. Но и здѣсь преслѣдуетъ его Пестель. Когда онъ принятъ былъ въ Мезени на службу, Пестель проситъ сослать его въ Колу, «такъ какъ мезенская округа граничитъ съ Тобольской губерніей и потому пребываніе Пѣтухова вредно для Сибіри». Это была послѣдняя попытка повредить Пѣтухову. Пятилѣтнія преслѣдованія потрясли его, несчастный сошелъ съ ума. «Мы сообщили только крупныя факты, — говорится въ концѣ матеріаловъ г. Вагина, — которые въ свое время надѣлали большого шума, которые заведены и официальными актами, и записками современниковъ и преданіями. Но сколько личностей, подобныхъ Пѣтухову, страдало и

гибло безслѣдно, не сохранивъ о себѣ извѣстій даже въ архивной пыли!» Множество чиновниковъ отдавалось подъ судъ по самымъ ничтожнымъ причинамъ: одинъ за неправильную переписку прошеній, другой за продажу чужой телѣги, третій за неприличные поступки, — короче, за пьянство. Основною же причиною были подозрѣнія въ недоброжелательствѣ начальству. Трескинъ держался въ этомъ случаѣ такой тактики: онъ позволялъ чиновникамъ наживу и злоупотребленія, но тѣмъ самымъ держалъ ихъ въ рукахъ. При малѣйшемъ недовольствѣ онъ ихъ упрекалъ. Въ этомъ случаѣ прощались взятки, и всегда наказывался доносъ и недовольство.

Вся система Пестеля сводилась такимъ образомъ къ тому, чтобы въ Сибири предоставить своему губернатору распоряжаться при помощи огромной власти по своему усмотрѣнію, и во избѣжаніе жалобъ подавлять ихъ на мѣстѣ, а что доносится въ Петербургъ, — самому перехватывать и перерѣшать. Такимъ образомъ, Пестель отрѣзалъ Сибирь отъ всякаго правосудія. Во время своего управленія онъ устроилъ строгій надзоръ за всѣмъ, что писалось изъ Сибири; онъ оцѣпилъ Сибирь таможенными, началъ перехватывать письма, тушилъ прошенія и бумаги въ присутственныхъ мѣстахъ; наконецъ обрушился на челобитчиковъ. Благодаря этому, долго не доходило ничего до высшаго правительства безъ вѣдѣнія Пестеля, который всему давалъ свои объясненія. По словамъ старожила, С. С. Щукина, Трескинъ не могъ видѣть, чтобы печатали что-нибудь изъ Иркутска въ газетахъ, особенно о цѣнахъ на хлѣбъ, которыя онъ выставялъ по-своему. Ему не хотѣлось, чтобы кто-нибудь велъ переписку съ Петербургомъ и, заподозривши, на примѣръ, въ этомъ монголиста Игумнова, «образованнѣйшаго человѣка своего времени», какъ сообщаетъ г. Вагинъ, его начали притѣснять, отдали подъ судъ, отрѣшили отъ должности и запретили вѣздъ въ Иркутскъ. «Ужасными мѣрами уничтоженія непокорныхъ, — говорить современникъ, выписка котораго приведена въ матеріалахъ, — при неограниченномъ довѣріи высшаго правительства къ представленіямъ Пестеля или — что все равно — Трескина, въ Иркутскѣ, наконецъ, всѣ части попали если не въ формальную, то по крайней мѣрѣ въ политическую зависимость отъ губернатора, не исключая ни военной, ни даже духовной» (Т. I, с. 32). Такимъ образомъ, рядомъ съ развитіемъ злоупотребленій усиливалось и самовластіе, и сила Пестеля. Произволъ и злоупотребленія существовали не только въ Иркутскѣ, но и въ другихъ частяхъ Сибири. Своеволіе отъ губернаторовъ усвоивали и подчиненные, — такъ бываетъ всегда. Енисейскій городничій, по словамъ Корфа, катался по

городу на чиновникахъ, за то, что они осмѣлились написать просьбу объ его смѣнѣ. Охотскій начальникъ самовольно удаляетъ отъ должности своихъ чиновниковъ. Третьяковъ, Геденштромъ берутъ примѣръ расправы съ Трескина. Лоскутовъ дошелъ до такой необузданности и смѣлости, что высѣкъ нижеудинскаго протоіерея Орлова плетью. «Но не одни только личные преслѣдованія были отличительною чертою сибирскаго управленія за время Пестеля. Управленіе это представляло поразительный примѣръ самыхъ вопіющихъ безпорядковъ и злоупотребленій, приведенныхъ въ систему», пишетъ далѣе г. Вагинъ. Даже и тамъ, гдѣ выражалось стремленіе къ внѣшнему порядку: чистотѣ улицъ, правильной постройки домовъ и т. п., даже и тамъ стремленіе это выражалось дѣйствіями, явно противными тѣмъ самымъ законамъ, которые оно, повидимому, старалось исполнить. Нѣкоторыя отрасли по управленію были крайне запущены. По всей сѣверной окраинѣ Сибири народъ въ буквальный смыслъ умиралъ съ голоду. По Иркутской губерніи Трескинъ ввелъ насильственные закупки хлѣба и казенную монополію хлѣбной торговли. Наконецъ, повинности населенія были въ высшей степени обременительны. Средствомъ скрывать эти безпорядки служило—постоянно представлять отдаленный край въ самомъ цвѣтущемъ положеніи и закрывать глаза бюрократическими отчетами, на которые былъ мастеръ Трескинъ. Все прикрывалось самой наглою официальною ложью. Пестель и Трескинъ обманывали не только правительство, но они хотѣли обмануть и мѣстное населеніе въ противность тому, что послѣднее видѣло собственными глазами. Такъ, на примѣръ, въ 1807 г. Трескинъ опровергаетъ слухъ, разнесшійся между жителями, что начальство не впускаетъ крестьянъ въ городъ для продажи хлѣба, а жителей принуждаютъ закупать хлѣбъ въ казенныхъ магазинахъ. Трескинъ публикуетъ, что запрещеній такихъ не было, и доносить Пестелю, что слухи эти идутъ «отъ извѣстной и оглашенной ябеднической партіи». А между тѣмъ принудительная закупка хлѣба въ казнѣ во все время Трескинскаго управленія вошла въ систему. «Жители Иркутска и окружающихъ селеній очень хорошо знали, знаетъ и потомство,—говорятъ матеріалы, —что у Трескина на бумагахъ дѣлалось одно, а на дѣлѣ другое». «Публикація эта имѣла въ виду одну цѣль: пустить Пестелю пыль въ глаза и предупредить доносы на новыя злоупотребленія» (Т. I, с. 34). Трескинъ искусственно повышалъ цѣны на хлѣбъ, завелъ страшный скупъ его, монополіи, отдалъ ихъ въ руки комиссаровъ и купцовъ, выставялъ фальшивыя цифры о цѣнахъ и въ то же время доносилъ объ увеличивающейся произво-

дительности края и его благосостояніи. Послѣдствіемъ монополій и злоупотребленій по продовольственной части на отдаленныхъ окраинахъ происходилъ ужасный недостатокъ въ хлѣбѣ, начинались голода. Такъ, въ 1811 г., а потомъ въ 1815 и 16 годахъ, въ Туруханскомъ краѣ между инородцами обнаружилось людоедство. Но когда начинали доноситься слухи объ этомъ въ Петербургъ, Пестель представлялъ огромныя книги съ бюрократическими отчетами и увѣрялъ въ противномъ. Массами фальшивыхъ свѣдѣній и перепиской онъ старался закрыть правительству глаза. Точно также онъ отбивался и отъ всѣхъ жалобъ, называя ихъ клеветою и доносомъ. «Но если и былъ кто самымъ вреднымъ и опаснымъ доносчикомъ, — говорятъ матеріалы, — то развѣ одинъ Пестель. Въ своихъ донесеніяхъ онъ осыпалъ клеветами сибирское населеніе и показывалъ все правительству въ превратномъ видѣ. Въ такое мрачное время стономъ стонала Сибирь и особенно иркутская губернія» (Т. I, с. 34).

Останавливаясь на этой эпохѣ, предшествовавшей ревизіи Сперанскаго, мы невольно поражаемся массою злоупотребленій, обрушившихся на этотъ отдаленный и бѣдный край. Управление Пестеля намъ рисуется какимъ-то темнымъ пятномъ на фонѣ сибирской исторіи. Оно, дѣйствительно, кажется мрачно и поразительно, но это потому, что мы представляемъ его отдѣльно, безъ связи съ предыдущей исторіей, какъ оно рисуется намъ въ матеріалахъ. Но, смотря нынѣ болѣе хладнокровно и съ исторической точки зрѣнія, мы не найдемъ въ немъ ничего необыкновеннаго, ничего, принадлежащаго исключительно системѣ Пестеля и Трескина. Въ сущности, оно руководствовалось тѣми же правилами и традиціями, какъ и предшествовавшія; оно было плодомъ системы и отражало всѣ черты управленія, давно укоренившагося въ Сибири. Управление Пестеля было только окончательнымъ и болѣе рѣшительнымъ примѣненіемъ системы, подготовленной ему, въ томъ же направленіи, предшественниками. Послѣдствія этой системы отражались такимъ же образомъ и ранѣе. «Не въ этой одной эпохѣ, которая подверглась ревизіи, обнаружены злоупотребленія, — писалъ Сперанскій Кочубею изъ Сибири, — и нельзя утверждать, чтобы при прежнемъ управленіи Сибирь была въ другомъ или лучшемъ положеніи. Напротивъ, съ перемѣною людей перемѣнялись только виды и степень злоупотребленій». Такимъ образомъ, Сперанскій, съ высоты государственной точки зрѣнія, уже опредѣлялъ управление Пестеля, какъ часть предшествовавшей системы. Въ управленіи Пестеля, дѣйствительно, какъ въ спектрѣ, отразились всѣ крайности си-

бирской исторіи. Присущія его времени злоупотребленія были въ связи съ административнымъ порядкомъ цѣлой эпохи и основывались на свойствахъ управленія, давно принятаго. Главными недостатками этого управленія могутъ быть отмѣчены ясно: самовластіе и произволъ. Произволъ этотъ развился естественно, при томъ просторѣ дѣйствій и власти, какія съиздавна имъ давали огромныя уполномочія. Власть воеводъ, губернаторовъ и генераль-губернаторовъ постоянно усиливалась, расширялась и подчинила всѣ вѣдомства. Все предоставлялось личной волѣ и усмотрѣнію администратора, конечно, имѣя въ виду со-образование съ законами и справедливостью. Но правитель незамѣтно терялъ почву и приобрѣталъ привычки дѣйствовать по личному произволу. «Власть личная нерѣдко обращается въ самовластіе,—писалъ Сперанскій по поводу управленія Сибирью.—Люди съ лучшими намереніями могутъ ошибаться, могутъ увлекаться личными взглядами—и дѣйствуя по совѣсти, дѣйствовать противозаконно» (Истор. свѣд., т. II, с. 321—322). Дѣйствительно, эти черты произвола быстро усваивали люди при огромной власти и въ отдаленной странѣ. Личность здѣсь пользовалась тѣмъ, въ чемъ не была ограничена, ея поведеніе было продуктомъ того положенія, въ которое она ставилась. Правители, недурные въ Россіи, преображались, являясь въ Сибирь. «До 1819 г. нигдѣ не было такой преклонности къ самовластію и жестокостямъ надъ подчиненными, какъ въ Сибири, у нѣкоторыхъ начальниковъ, высшихъ и среднихъ,—высказывалъ свое мнѣніе графъ Блудовъ.—Всѣ они были посылаемы туда изъ внутреннихъ губерній, и, казалось, что не только со вступленіемъ въ отправленіе имъ данныхъ въ семь краѣ должностей, но непосредственно по переѣздѣ черезъ Уралъ въ нихъ исчезало всякое снисхожденіе къ ошибкамъ ближняго, всякое къ нимъ состраданіе» (Истор. свѣд., т. I, с. 31—32). Тотъ же грозный Трескинъ является другимъ человѣкомъ въ другой обстановкѣ. «Долгъ справедливости обязываетъ сказать,—говоритъ историкъ,—что, какъ частное лицо, Трескинъ считался весьма добрымъ человѣкомъ и что впослѣдствіи, когда онъ былъ уже отрѣшенъ отъ должности и жилъ въ своей деревнѣ, въ немъ не было и слѣдовъ прежняго иркутскаго деспота» (Мат., т. I, с. 11).

Селифонтовъ, плакавшій надъ Сибирью, точно также преображается здѣсь. Правители, вслѣдствіе своего положенія, понемногу сами начинали убѣждаться, что дѣйствительно все зависитъ отъ ихъ личной воли. Они становились нетерпимы, своевольны, понемногу въ управленіе они вносили личные страсти. Увлекаясь

положеніемъ, они сами изъ себя создавали вице-роевъ, обставляли себя пышной обстановкой, требовали абсолютнаго поклоненія, торжествъ въ честь свою и полнаго обожанія. Законъ и правительство они отодвигали на второй планъ, выдвигая только свою особу, внушая жителямъ, что только отъ однихъ ихъ все зависитъ. Нигдѣ такъ начальство не приучало преклоняться себѣ, какъ въ Сибири, нигдѣ оно не упражнялось болѣе въ самовластіи, какъ здѣсь. «Сибирь не испытала крѣпостнаго права,—говоритъ одинъ изъ историковъ,—но она испытала гораздо худшее—административный произволъ, также, ежели не хуже, воспитывавшій общество». Привычки своеволія распространились и на низшихъ исполнителей; они шли отъ губернатора до отдѣльнаго засѣдателя. Если первые ограничивались безусловнымъ приказаніемъ и требованіемъ покорности, послѣдніе вводили дисциплину и внушали къ себѣ уваженіе страхомъ. Только одного Лоскутова почему-то прославили, но Лоскутовъ былъ одинъ изъ типовъ того времени. Въ западной Сибири былъ подобный же засѣдатель, Ярцевъ. Самъ образованный Геденштромъ высказываетъ мнѣніе послѣ Сперанскаго, что «филантропія неумѣстна въ Сибири», «она вреднѣе холеры», что положеніе алтайскихъ горныхъ крестьянъ лучше, ибо горные правители «управляютъ крестьянами, какъ хозяева, и *лозами* могутъ, если хотятъ, принуждать къ добру» (Истор. изслѣд., т. II, с. 317). Это былъ общій взглядъ тогдашнихъ администраторовъ. Таковы были и средства управленія. Результатъ самовластія заключался въ неограниченности власти главныхъ сибирскихъ правителей и въ примѣрахъ необузданности, подававшихся низшимъ.

Второю главною чертою управленія этой эпохи является наклонность къ самой широкой регламентации, проходящей чрезъ всю исторію. Новозавоеванный и пустынный край дѣйствительно сначала требовалъ устройства и дѣятельной инициативы правительства. Его необходимо было снабжать продовольствіемъ, основывать промыслы, водружать гражданственность, но въ послѣдствіи привычка распорядиться общественною жизнью вошла въ нравы правителей и принята была за необходимую принадлежность управленія. На Сибирь постоянно мѣнялись взгляды, а поэтому предписывались новыя мѣры и производились безпрестанные эксперименты. Сначала Сибирь считалась колоніей звѣроловной, затѣмъ, съ начала XVIII-го вѣка, на нее имѣютъ виды, какъ на колонію горно-заводскую, далѣе обращаютъ ее въ колонію штрафную, потомъ земледѣльческую, наконецъ, примѣшиваются виды торговли съ Азіей и т. д. Все это давало случай каждому изъ

администраторовъ вводить свои планы и перестраивать принудительно жизнь общества. Достаточно припомнить такіе опыты, какъ десятинную пашню Соймонова, съ приписью 3400 бобылей въ обязательныя работы, обязательное сѣяніе пеньки, приписки и переселеніе людей на рудники и заводы, чичеринское проведеніе дорогъ на Барабѣ, неудавшуюся ландмилицію Леццино въ Камчаткѣ, искусственное созданіе казачьяго войска, съ приписью крестьянъ и поселенцевъ, безчисленные опыты устройства ссыльныхъ, принужденіе бурятъ обращаться къ земледѣлію при Трескинѣ, учрежденіе и распорядокъ лоскутовскихъ поселеній, продовольственное снабженіе инородцевъ, казенныя монополіи, поддержаніе монополіи и привилегій частныхъ, какъ русско-американской компаніи, кяхтинскаго торговаго и проч., и проч. Регламентация частной жизни въ прошломъ столѣтіи доходила до необыкновенной мелочности. Въ прошломъ столѣтіи дѣлаются приказы не отлучаться крестьянамъ на ночь изъ дома; одинъ управитель, какъ Леццино, заставляетъ обсаживать города березками, другой, какъ Трескинъ, планируетъ вновь городъ, ломаетъ дома, отводитъ рѣку, преслѣдуетъ сѣяніе табака въ огородахъ, вмѣшивается въ домашнюю жизнь, преслѣдуетъ питье чаю. Лоскутовъ предписываетъ молитвы крестьянамъ, даетъ инструкціи, какъ печь хлѣбъ, ревизуетъ квашню и т. п. Губернаторъ Чичеринъ съ командою ѣздилъ наблюдать около города за полевыми работами крестьянъ. Наконецъ, при Трескинѣ казна покупаетъ весь хлѣбъ въ магазины для продажи частнымъ лицамъ по высшимъ цѣнамъ, въ виду «поощренія къ хлѣбопашеству». Можно представить при этомъ, какіе размѣры, принимала регламентация какъ дѣйствовала на общество и какой просторъ давала злоупотребленіямъ.

Развитію злоупотребленій въ странѣ способствовала ея отдаленность, отсутствіе контроля и невозможность создать его. Власть сильная кому-нибудь должна была быть поручена. Обыкновенно она поручалась одному лицу. Это единоличное правленіе могло менѣ всего способствовать надзору и выбору безукоризненныхъ агентовъ. На Сибирь, кромѣ того, утвердились съ самаго древняго времени воззрѣнія, какъ на завоеванную и промышленную колонію. Нажива и поборъ развились съиздавна. Духъ спекуляціи переходилъ съ частныхъ лицъ и на служилыхъ людей. Воеводы торговали мѣхами, виномъ, зерномъ и проч. Они дѣлали безцеремонные поборы; въ послѣдствіи, послѣ преслѣдованій и каръ, а также съ учрежденіемъ бюрократическаго управленія, съ Петра, поборъ сталъ утонченный и скрытый. Нравы прежнихъ служи-

лыхъ людей перешли и къ старымъ приказнымъ, при крутой реформѣ Петра, отъ бояръ-воеводъ къ губернаторамъ. Отдаленная страна представляла всѣ шансы скрывать злоупотребленія. Въ случаѣ доносовъ и жалобъ, канцелярскій міръ прикрывался цѣлыми массами бумагъ, запутывалъ дѣла перепиской, и казуистическая процедура облегчала выходъ взяточникамъ. Невозможно было услѣдить за подчиненными ни главному начальнику, ни правительству за главнымъ начальникомъ. Контингентъ служащихъ людей былъ постоянно одинъ и тотъ же въ отдаленной провинціи, и людей добросовѣстныхъ негдѣ было взять. Существовало одно приказное сословіе, которое только постоянно переливалось и перетасовывалось. Новые начальники привозили съ собою свѣжихъ чиновниковъ, но это всегда оказывались любимцы, на которыхъ еще менѣе простирался контроль и которымъ еще болѣе дозволялось, какъ Трескину. Надо замѣтить, что злоупотребленія были источникомъ настолько же обогащенія и частныхъ лицъ. Въ Сибири промышленные люди создали кабалу и рабство инородца, торговое сословіе жило монополіями. Все это было въ связи съ администраціей и взаимно другъ друга деморализировало. Купцы въ этомъ случаѣ искали поощренія у правителей, закабалая крестьянъ и инородцевъ, а правитель опирался на общество и устраивалъ стачку съ богатыми. Такъ было при Трескинѣ, который давалъ случай наживаться однимъ купцамъ, и преслѣдовалъ другихъ. Въ злоупотребленіяхъ были замѣшаны цѣлыя сословія. Правительство не могло знать, что совершается въ Сибири, и скоро администраторы здѣсь выработали цѣлую систему представлять и сочинять картину совершенно иную, чѣмъ представлялъ край. Отсутствіе гласности представило всѣ удобства для развитія злоупотребленій.

Когда начинались жалобы и доносы недовольныхъ, и недовольные эти являлись часто изъ того же торговаго сословія, которое искало наживы и монополій, то мѣстные власти разоблачали подобныхъ людей, какъ лицъ, заинтересованныхъ въ злоупотребленіяхъ, припоминали ихъ грѣхи, а потому и правительство имѣло часто основаніе не придавать значенія жалобамъ подобныхъ людей. Этимъ воспользовались въ послѣдствіи Трескинъ и Пестель, чтобы зажать ротъ всякимъ жалобамъ.

Таковы были главные черты системы, существовавшей до Сперанскаго. Эта система, какъ мы видимъ, выработывалась изъ особеннаго положенія края вдали отъ центра управленія. Кромѣ того, въ начертаніяхъ управленія видѣнъ былъ слѣдъ участія самихъ мѣстныхъ правителей, проводившихъ свои мнѣнія и

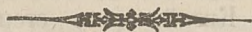
требованія въ высшія сферы. Такимъ образомъ взглядъ исполнителей часто руководилъ и законодательствомъ и перевершалъ его для Сибири. Что ненормальности управленія лежали въ общемъ свойствѣ принятыхъ началъ, доказываетъ то, что порядки пестелевскаго управленія существовали въ началѣ либеральнаго царствованія Александра I. Многія жалобы изъ Сибири находились въ рукахъ Сперанскаго, но правительству не представлялось возможности узнать истинное положеніе дѣлъ.

Во все управленіе Пестеля и Трескина общество конечно пыталось вести подземную борьбу. Когда отняты были всѣ средства гласности, оно прибѣгало къ доносамъ. Подъ конецъ управленія Пестеля, жалобы и доносы день ото дня становились многочисленнѣе, все важнѣе по содержанію, все разительнѣе по общему согласію въ показаніяхъ, пишетъ баронъ Корфъ. Сначала Пестель отвращалъ эти доносы. По поводу доноса 1808 года, министръ просилъ Пестеля «прекратить незаконныя дѣйствія мѣстнаго начальства». Но Пестель, сообщивъ отношеніе министра Трескину, предписывалъ *не прекращать* злоупотребленія, а принять мѣры противъ подобныхъ «извѣтовъ». Представивъ свои объясненія министру, онъ пишетъ, что «объясненія его (Пестеля) приняты съ уваженіемъ», что въ его усердіи несомнѣваются и что сообщеніе ему дошедшихъ до правительства свѣдѣній служить доказательствомъ къ нему довѣрія. Содержаніе бумаги онъ сообщилъ Трескину, чтобы «неблагодумные люди» знали, какъ правительство относится къ ихъ доносамъ (Мат., с. 35). Словомъ, Пестель угрожалъ, что всѣ жалобы будутъ представлены ему. Но жалобы не прекращались. Сначала ихъ подавали купцы, видимо несомедшіеся съ Трескинымъ въ своихъ дѣлахъ. Наконецъ, они проникаютъ изъ всѣхъ слоевъ общества. Генераль Куткинъ пишетъ изъ своего заключенія грозныя посланія, выдвигаются мелкіе чиновники, и наконецъ простолюдины. Доносъ въ это время получаетъ какъ-бы общественное значеніе и сливается въ единодушный протестъ. Мѣстное общество употребляетъ въ борьбѣ этой всѣ усилія, чтобы дать о себѣ знать. Доносы вывозятся въ хлѣбѣ. Въ 1818 году, иркутскій мѣщанинъ Саламатовъ беретъ подъ величайшей тайной добратся до Петербурга и вручить доносъ лично государю. Онъ пробирается чрезъ Китай, чрезъ степи и сибирскіе лѣса, добирается до Петербурга, подаетъ лично доносъ государю и «проситъ приказать его убить, чтобы избавить отъ тиранства Пестеля». Онъ былъ отданъ на особую отвѣтственность государю петербургскому генераль-губернатору Милорадовичу. Объ этомъ мѣщанинѣ писалъ въ 1819 г. Сперанскій Голицыну:

«въ числѣ доносителей по здѣшнему краю былъ нѣкто иркутскій мѣщанинъ Саламатовъ. Бумаги его мнѣ препровождены отъ графа А. А. (Аракчеева), но гдѣ онъ самъ — мнѣ неизвѣстно. По слухамъ же, онъ долженъ быть въ Петербургѣ подѣ стражею или подѣ надзоромъ. Человѣкъ сей, пишетъ Сперанскій, разоренъ здѣшнимъ начальствомъ до основанія, и разоренъ несправедливо; у него здѣсь семеро малолѣтнихъ дѣтей, почти безъ пропитанія, бумаги его написаны глупо и безсвязно; но главныя статьи о поступкахъ Лоскутова и другихъ въ существѣ своемъ теперь обнаружены и найдены справедливыми». (Ист. Имп. Публ. Библиот. въ пам. графа Сперанскаго, с. 259—260). Это предпріятіе бѣдняка, бросившаго дѣтей и идущаго подѣ страхомъ смерти въ Петербургъ, носить печать какъ-бы гражданскаго подвига. Къ этимъ протестамъ присоединился, наконецъ, кроткій архіепископъ иркутскій Михаилъ. Но независимо отъ жалобъ, до правительства доходили свѣдѣнія о страшныхъ безпорядкахъ въ Сибири и голодахъ у инородцевъ. При такомъ положеніи дѣлъ пребываніе Пестеля въ Петербургѣ вызывало всеобщее негодованіе и насмѣшки. Въ 1815 г., въ комитетѣ министровъ предложено возвратить сибирскаго генераль-губернатора къ своему посту или назначить ревизію. Но Пестель долго еще продолжалъ жить въ Петербургѣ. По связямъ своимъ съ Пакулевымъ онъ пользовался покровительствомъ и поддержкой Аракчеева, и только когда Аракчеевъ разошелся съ Пакулевымъ, Пестель потерялъ поддержку. Въ то же время въ комитетѣ министровъ было высказано рѣшительное мнѣніе, что въ Сибири необходима ревизія и смѣна Пестеля. Вмѣстѣ съ этимъ подана была записка Козодавлевымъ о необходимости измѣнить сама начала управленія Сибирью и дать ей новое учрежденіе.

Оставался вопросъ, кого послать для такой многотрудной задачи, на кого можно положиться? Выборъ палъ на Сперанскаго.

Н. Ядринцевъ.

СПЕРАНСКІЙ

II

ЕГО РЕФОРМЫ ВЪ СИБИРИ

Окончаніе.

II *).

Какъ ни печально было положеніе Сибири въ XVII и XVIII-мъ столѣтіяхъ, но, по мѣрѣ заселенія ея, она пріобрѣтала все болѣе и болѣе значенія. Довольно давно уже правительство обращало вниманіе на богатство этой страны. Во все XVII-е столѣтіе изъ нея вывозили мѣха, устраивали рыбные и другіе промыслы, добывали мамонтову кость, отыскивали руду. Притокъ вольной народной колонизаціи въ первое время былъ обширный: богатство соболей, лисиць, бѣлки, песцовъ и т. п. привлекали сюда промышленниковъ, нетронутые естественные запасы природы обольщали богатствомъ. Въ началѣ XVIII-го столѣтія поэтому уже сложилась поговорка: «Сибирь—золотое дно». Рядъ путешественниковъ, начиная съ Мессершмидта, производилъ изслѣдованія надъ обширной страной и ея минералогическими богатствами. Петръ Великій сосредоточиваетъ особенное вниманіе на Сибири, въ виду развитія здѣсь горныхъ промысловъ; въ XVIII-мъ столѣтіи заводятся повсюду рудники и заводы, съ припискою къ нимъ крестьянъ; въ XVIII-мъ же столѣтіи присоединяется киргизская степь и начинается торговля съ азиатскими государствами,

*) См. выше: май, 93 стр.

особенно съ Бухарою; бухарцы наводняютъ Сибирь товарами, караваны тянутся изъ Китая. Рядомъ съ этимъ, страна пріобрѣтала болѣе и болѣе гражданскаго и осѣдлаго населенія; съ половины XVIII-го столѣтія, піонеры колонизаціи и промышленники выходятъ изъ лѣсовъ и селятся деревнями, остроги и посады обстраиваются; изъ статей Миллера видно, что въ половинѣ прошлаго столѣтія зарождалась въ Сибири довольно значительная заводская промышленность; Миллеръ пророчилъ, что желѣзные заводы Сибири будутъ снабжать даже Россію. Сибирь, такимъ образомъ, превращалась изъ звѣроловной и горной колоніи, понемногу, въ земледѣльческую и, вмѣстѣ съ прочной гражданственностью, начинала показывать задатки промышленнаго развитія; но въ значительной части своей страны еще все оставалась неизвѣданной: промышленные люди, купцы, мореходы, піонеры, казаки все еще продолжали дѣлать открытія, огибая то мысы Ледовитаго океана, то углубляясь на Амуръ и въ киргизскія степи. Страна эта, поѣтому, была во многомъ загадочной, и эта-та таинственность еще болѣе возбуждала ожиданія таящихся въ ней сокровищъ. Петръ Великій направляетъ экспедицію къ Бухарѣ за поисками бухарскаго золота; при Екатеринѣ точно также снаряжаются военныя экспедиціи въ глубь Азіи, является мечта о сношеніяхъ Сибири, чрезъ Среднюю Азію, съ Индіей; при Павлѣ, говорятъ, даже была мысль предпринять походъ въ Индію, въ союзъ съ Наполеономъ; при Александрѣ I точно также обращается вниманіе на Среднюю Азію и Индію,—между прочимъ, мы видимъ, что правительство намѣревается пріобрѣсти кашмирскихъ козъ.

Все это заставляло государственныхъ людей сооружать множество плановъ и вообще относиться восторженно къ этой странѣ будущаго. Козодавлевъ называлъ Сибирь въ официальныхъ бумагахъ не иначе, какъ «Мехика и Перу наше». Съ назначеніемъ въ Сибирь Сперанскаго, по этому поводу возлагали на него обширныя надежды въ дѣлѣ устройства и управленія края. Козодавлевъ писалъ, поощряя Сперанскаго, что «исторія Сибири будетъ дѣлиться на двѣ только эпохи: первая отъ Ермака до Сперанскаго, вторая отъ Сперанскаго до X». Кочубей, въ письмѣ къ Сперанскому, выражался такъ: «отъ васъ, конечно, никто ожидать не можетъ, чтобы вы остановились на какихъ-нибудь мелочахъ, кои какого-нибудь пустого ревизора, подобнаго Селифонтову, останавливать могутъ. Отъ васъ ожидать будутъ видовъ государственнаго человѣка, и, если смѣю я сказать, виды-то сіи и полезны быть могутъ, ибо, при всѣхъ вашихъ способностяхъ,

можно ли ожидать большого добра тамъ, гдѣ не существуетъ свойственныхъ основаній къ произведенію онаго? Вы можете, составивъ систематическое обозрѣніе края, представить планъ къ образованію управленія въ сихъ колоніяхъ нашихъ, и пр., и пр., и симъ, такъ-сказать, удивить людей, мало привыкшихъ къ произведеніямъ сего рода». Козодавлевъ немедленно при отправленіи Сперанскаго, привѣтствуя его, посылаетъ записку свою, читанную въ комитетѣ министровъ, о новыхъ основаніяхъ сибирскаго управленія, и прилагаетъ книгу Прадта «*Sur les Colonies*», о мексиканскихъ колоніяхъ, для руководства. Графъ Нессельроде пишетъ Сперанскому, что «друзья его будутъ слѣдить за нимъ съ участіемъ и симпатіями». Однимъ словомъ, отъ Сперанскаго, какъ отъ смѣлаго реформатора, ожидали всѣ «видовъ государственныхъ», или установленія новой государственной точки зрѣнія на страну. Друзья его ожидали даже чего-то грандіознаго.

Не такъ относился самъ Сперанскій къ своему положенію. Изъ его переписки и матеріаловъ видно, что онъ далеко не раздѣлялъ восторженныхъ увлеченій своихъ друзей. Онъ ни мало не увлекался новой ролью, назначенной ему, онъ даже не имѣлъ опредѣленныхъ воззрѣній на край, въ который ѣхалъ. Изъ его писемъ къ дочери изъ Сибири видно, что при въѣздѣ въ Сибирь онъ питалъ къ ней даже предубѣжденіе. Мрачнымъ взглядомъ своимъ на страну онъ былъ обязанъ во многомъ исключительности своего положенія. Извѣстно, что поѣздка въ Сибирь никогда не входила въ планъ его дѣятельности. Самое назначеніе его сюда было случайно. Только-что возвратясь изъ ссылки и находясь въ Пензѣ губернаторомъ, онъ ожидалъ ежеминутно своего возвращенія въ Петербургъ, и новое назначеніе его застало врасплохъ. Онъ принялъ его за приличное удаленіе. Хотя «поѣздка его была обставлена всѣми наружными знаками довѣрія, обширными полномочіями, почетомъ,—говоритъ біографъ Сперанскаго, баронъ Корфъ,—тѣмъ не менѣе, Сперанскій понималъ, что это назначеніе—продолженіе ссылки. Все пребываніе его въ Сибири было отравлено этимъ горькимъ чувствомъ. Значительная часть его дѣятельности была посвящена цѣли—поскорѣ вырваться изъ Сибири. Его энергію здѣсь усиливало стремленіе какъ можно сократить свое пребываніе въ Сибири и получить доступъ къ вождельному Петербургу». То же подтверждаетъ въ своихъ изслѣдованіяхъ и г. Вагинъ, но лучше всего тогдашнее его настроеніе рисуютъ его письма. «Скажу искренно: не безъ горести отправляюсь я въ Сибирь», пишетъ онъ государю. То же о своемъ горѣ онъ пишетъ Аракчееву.

«Публика знаетъ два слова: отказъ и удаленіе», — прибавляетъ онъ ему, рисуя обратную сторону своего назначенія. Въ письмѣ къ дочери онъ пишетъ о «новомъ ударѣ бурнаго вѣтра», разразившемся надъ нимъ. Кочубею: — «сколько ни привыкъ я терпѣть внезапности, признаюсь, сія меня болѣе тронула, нежели предыдущія. Я имѣлъ право думать, что довольно терпѣлъ»... «Скажу тебѣ за тайну, — говоритъ онъ дочери, — что я не болѣе, какъ на годъ, много, ежели на годъ съ половиною, отправляюсь въ Сибирь. Ежели бы я менѣе размышлялъ о вѣчности, разстоянія сіи показались бы мнѣ ужасны. По крайней мѣрѣ, срокъ сей вѣренъ, ибо нельзя быть генераль-губернаторомъ по неволѣ».

Пребываніе въ Сибири было невыносимо Сперанскому, онъ постоянно торопился изъ нея, и когда была сдѣлана небольшая отсрочка его возврата, онъ угрожалъ отставкой. «Отсрочка до марта мѣсяца и сама по себѣ для меня горестна, и еще горестнѣе по тому смыслу, который она имѣть можетъ, — писалъ Сперанскій Кочубею. — Въ самомъ дѣлѣ, мудро ли въ теченіе десяти мѣсяцевъ найти причину и изобрѣсть благовидный предлогъ еще отсрочить и, наконецъ, рѣшиться вовсе заточить меня въ Сибирь?» Свою отсрочку Сперанскій приписывалъ проискамъ своихъ старыхъ враговъ. Подъ конецъ голосъ его начинаетъ отзываться протестомъ: «Если не дадутъ отставки, то, по крайней мѣрѣ, симъ я рѣшительно заявлю, — пишетъ онъ въ это время, — что служу здѣсь *по неволѣ*; сдѣлать поступокъ мой гласнымъ я всегда имѣю способы», — такъ пишетъ онъ Кочубею. Самое свое назначеніе въ Сибирь Сперанскій считалъ частнымъ порученіемъ и «последнимъ испытаніемъ», какъ онъ выражался въ письмѣ къ дочери. «На Сперанскаго возложены были и ревизія края, — пишетъ г. Вагинъ, — и труды административные, и законодательные, наградю ихъ указаны достиженіе цѣли — возвращеніе въ Петербургъ».

По всему этому, Сперанскій смотрѣлъ на пребываніе въ Сибири, какъ на ступень къ скорѣйшему приближенію, но въ то же время досадовалъ, что ему приходится пройти эту ступень. Послѣ этого неудивительно то, что онъ къ своему назначенію относился безъ энтузіазма, безъ того увлеченія, которое вдохновляло его въ прежнихъ реформахъ. Онъ спѣшитъ какъ-бы выполнить формальность, показать свою дѣятельность въ наиболѣе выгодномъ свѣтѣ и потомъ поскорѣе оставить ее. Такое настроеніе не было особенно благоприятно для реформаторской дѣятельности. Все, что онъ здѣсь видѣлъ, это «трудъ Геркулеса при очи-

щеніи Августовыхъ конюшенъ», какъ выразился въ письмѣ къ нему графъ Нессельроде. Дѣйствительно, съ самаго начала вѣзда въ Сибирь, Сперанскому предстояла кропотливая ревизія, которой онъ посвятилъ свое пребываніе здѣсь. Ревизія эта не представляла особенной важности, въ виду другихъ задачъ, возложенныхъ на него, однако она заняла много времени. Съ государственной точки зрѣнія, самъ Сперанскій не придавалъ ей особеннаго значенія, и она можетъ быть только характеристична для выясненія того положенія, въ какомъ засталъ Сперанскій Сибирь, и личнаго его отношенія въ дѣлѣ искорененія злоупотребленій. Въ этомъ случаѣ она можетъ быть примѣрна и замѣчательна только относительно тѣхъ пріемовъ, какіе употреблялъ онъ. Мы указывали, до чего въ предшествующее управленіе Пестеля и Трескина развились злоупотребленія и какъ они искусно прикрывались. Когда донесся слухъ о назначеніи Сперанскаго въ Сибирь, въ Иркутскѣ произошла паника. Нѣкоторые чиновники сошли съ ума, какъ правитель дѣлъ Бѣляевскій, Кузнецовъ и другіе. Трескинъ струсилъ. Никто не ожидалъ, чтобы Сибирь посѣтилъ человѣкъ безкорыстный; однако многіе надѣялись, что при помощи прежней системы можно замаскироваться. Но Сперанскій нашелъ средства разоблачить злоупотребленія, онъ далъ мѣсто гласности и постарался опереться на общество. Первымъ дѣломъ по пріѣздѣ его въ Тобольскъ было увѣрить жителей, что жалобы на мѣстное начальство не составляютъ преступленія и что ихъ можно приносить. Дѣйствительно, во все время проѣзда чрезъ Сибирь, Сперанскій сближается съ мѣстными жителями, останавливается у купцовъ, идетъ часто пѣшкомъ за экипажемъ, разспрашивая крестьянъ. Мѣстное общество такъ привыкло ко взяточничеству и поборамъ, что въ Тюмени самому Сперанскому поднесли блюдо. «Хлѣбъ былъ взятъ, блюдо возвращено», отмѣчаетъ онъ въ дневникѣ.

Понемногу, порядки сибирскіе открылись предъ его глазами. Вѣхавъ въ тобольскую губернію, онъ замѣчаетъ: «главныя жалобы были на земскую полицію, преимущественно на лихоимство, потому ревизія не вызвала здѣсь особенно строгихъ мѣръ. Исправивъ важнѣйшіе безпорядки, показавъ нѣсколько примѣровъ строгости и «доправивъ взятки» съ земскихъ чиновниковъ, онъ двинулся далѣе. Но чѣмъ болѣе онъ подвигался въ глубь Сибири, тѣмъ положеніе края болѣе поражало его. «Положеніе дѣлъ въ томской губерніи было гораздо хуже, поборы тягостнѣе, чиновники дерзновеннѣе, преступленія очевиднѣе, на самого губернатора падали сильныя подозрѣнія», говоритъ онъ. «Еслибы въ Тобольскѣ я отдалъ всѣхъ подъ судъ,—писалъ Сперанскій,—

что и можно было бы сдѣлать, то здѣсь оставалось бы уже всѣхъ повѣсить. Злоупотребленія вопіющія и, по глупости губернатора Илличевскаго, по жадности жены его, по строптивому корыстолюбію брата его, губернскаго почтмейстера, весьма худо прикрытыя»... «Чѣмъ далѣе спускаюсь я на дно Сибири, тѣмъ болѣе нахожу зла, и зла почти нестерпимаго,—пишетъ онъ въ другомъ письмѣ къ Столыпину, — слухи ничего не увеличивали и дѣла хуже еще слуховъ»... «При обзорѣннй тобольской губерніи, представлялась еще возможность пресѣчь или, по крайней мѣрѣ, ограничить злоупотребленія и до времени охранять порядокъ средствами въ инструкціи опредѣленными,—доносить Сперанскій государю, 31-го іюля 1819 г.—Но въ томской губерніи средства сіи будутъ недостаточны. Здѣсь жалобъ болѣе, существо ихъ важнѣе, чиновниковъ не только способныхъ, но и посредственныхъ еще менѣе, и перемѣны ихъ тѣмъ затруднительнѣе. Злоупотребленія, доселѣ открытыя, ведутъ къ другимъ, еще не обнаруженнымъ». Поэтому Сперанскій спрашивалъ разрѣшенія въ случаѣ надобности смѣнить томскаго и иркутскаго губернаторовъ. Изъ Томска уже назначаются слѣдственные коммисіи для разслѣдованія безпорядковъ въ Нарымъ и Туруханскъ. Изъ Туруханска пишетъ посланный на слѣдствіе Осиповъ: «безпечность здѣшнихъ чиновниковъ до того велика, что я съ самаго пріѣзда не могу получить отвѣтовъ на свои отношенія»... «Бѣжалъ бы отсюда безъ оглядки», восклицаетъ въ другомъ письмѣ къ Сперанскому этотъ слѣдователь. Въ Томскѣ также учреждена была коммисія, и Сперанскій спѣшилъ въ Иркутскъ. Настоящимъ гнѣздомъ злоупотребленій была иркутская губернія. Вопль жителей продолжался только до границъ иркутскаго уѣзда. Въ этомъ уѣздѣ, и въ самомъ городѣ, жалобы вдругъ смолкли: таковъ былъ ужасъ передъ мѣстнымъ управленіемъ». Исправникъ Лоскутовъ, передъ пріѣздомъ Сперанскаго, отобралъ въ своемъ уѣздѣ всѣ чернила и бумагу, говорятъ преданія. На берегу Кана Сперанскаго встрѣтили вопіющія жалобы на Лоскутова, крестьяне выходили изъ лѣсовъ съ прошеніями. Лоскутова Сперанскій арестовалъ немедленно. Говорятъ, что, обыкновенно хладнокровный и сдержанный, Сперанскій здѣсь не выдержалъ. С. С. Щукінъ приводитъ въ своихъ запискахъ разсказъ объ этой встрѣчѣ. Лоскутовъ былъ въ мундирѣ, и едва произнесъ: «исправникъ Лоскутовъ»... — Лоскутовъ?.. арестовать его, бездѣльника, — воскликнулъ Сперанскій. Съ него сорвали шпагу и арестовали. «На границѣ иркутской губерніи встрѣченъ я былъ первымъ министромъ Трескина, — писалъ Сперанскій Столыпину, — пресловутымъ Лоскутовымъ, исправ-

никомъ нижеудинскимъ. Съ двухъ первыхъ словъ я его отрѣшилъ, и тутъ же, арестовавъ, оставилъ за границею губерній, за Каномъ, какъ за Стиksomъ. Мѣра сія была нужна,—продолжаетъ онъ.—Страхъ его десятилѣтняго желѣзнаго управления былъ таковъ, что на первыхъ станціяхъ не смѣли иначе приносить жалобъ, какъ выбѣгая тайно на дорогѣ изъ лѣсовъ». Корфъ прибавляетъ: «когда Сперанскій приказалъ взять Лоскутова, бывшіе при этомъ крестьяне упали на колѣни и, хватая за руки Сперанскаго, воскликнули: «батюшка! да вѣдь это Лоскутовъ!» Несчастные думали, что и Сперанскій безсиленъ предъ этимъ человѣкомъ. Въ Нижеудинскѣ Сперанскій назначилъ сейчасъ же слѣдственную комиссію и приказалъ описать имѣніе Лоскутова. У него было найдено 138,243 р., кромѣ разныхъ вещей, серебра, мѣховъ, которымъ оцѣнка не сдѣлана. Все это имущество было отправлено торжественною процессіею въ Иркутскъ. «Иркутскъ ожидалъ Сперанскаго въ волненіи. Трескинъ приготовилъ иллюминацію и музыкантовъ. Показалась лодка, — пишеть одинъ современникъ.—Вниманіе было напряжено.—Не генераль ли губернаторъ? Кто такой?—окликають иркутяне съ берега.—Имущество Лоскутова!—отвѣчаетъ прибывшій офицеръ. Трескинъ поблѣднѣлъ. Кто-то замѣтилъ: первая батарея сбита». Изъ Нижеудинска же Сперанскій послалъ бумагу Трескину съ запросомъ, правда ли, что приносить жалобы поселенцамъ на Лоскутова было запрещено самимъ Трескинымъ. Сперанскій здѣсь былъ буквально заваленъ жалобами. По день отъѣзда изъ Нижеудинска ихъ поступило 280. Сумма предъявленныхъ на Лоскутова взысканій простиралась до 129,000 руб. Много жалобъ поступило впоследствии. «Это были жалобы на вымогательства, жестокости, принужденія къ даровой работѣ, насильную продажу хлѣба и скота по произвольнымъ цѣнамъ, самовольныя ссуды денегъ за неумѣренные проценты, притѣсненія по закупкамъ хлѣба и натуральнымъ повинностямъ, чрезвычайныя денежныя сборы, наконецъ, что торгъ съ инородцами былъ захваченъ исключительно въ руки Лоскутова и двухъ его клеветовъ», — рассказываетъ г. Вагинъ.

По пріѣздѣ Сперанскаго въ Иркутскъ также было учреждено слѣдствіе и ревизія. Но жалобы въ Иркутскѣ въ первые дни боялись даже подавать. При объявленіи Сперанскимъ, что Трескинъ устраненъ отъ должности, жители страшились, что впоследствии снова онъ займетъ мѣсто и отмститъ. Иркутяне припоминали примѣръ съ губернаторомъ Жолобовымъ. Трескинъ, кромѣ того, составилъ себѣ въ Иркутскѣ партію не только изъ чиновниковъ,

съ которыми дѣлился, но и изъ купцовъ, съ которыми торговать. Но когда увидѣли, что подавать жалобы не опасно, то онѣ поспѣдовали въ страшномъ количествѣ. Число ихъ достигало до 300 въ день. Въ скоромъ времени въ иркутскомъ казначействѣ была распродана вся гербовая бумага, такъ что дѣлались надписи на простой, употребленной вмѣсто гербовой. Крестьянамъ разрѣшены были словесныя жалобы, и дворъ иркутской слѣдственной комисіи не могъ помѣщать просителей. Сперанскому въ первое время приходилось «развивать клубокъ съ медленностью и великимъ терпѣніемъ», пока Трескинъ оставался на должности. «Корыстолюбивая, жадная монополія обличается гласомъ народнымъ, — писалъ Сперанскій, — но предъ закономъ должно обличиться законными мѣрами»... «Злоупотребленія очевидны, но должно доказывать ихъ. Трескинъ человекъ наглой, отмѣнно смѣлый, не глупъ, хотя худо воспитанъ, но хитръ и лукавъ какъ демонъ»...

Сперанскій однако успѣлъ открыть и разоблачить трескинскую организацію. Коммиссія, учрежденная подъ предѣлательствомъ Цейера въ Иркутскѣ для раскрытія злоупотребленій, привлекла къ отвѣтственности до 216 лицъ; сумма однихъ частныхъ взысканій простиралась свыше *двухъ милліоновъ*. «Все то, что о здѣшнихъ дѣлахъ говорили въ Петербургѣ, писалъ Сперанскій, не только есть истина, но — и это рѣдко бываетъ — истина не увеличенная». Злоупотребленія были такъ велики, что, по мнѣнію Сперанскаго, всякій другой край, менѣе обильный, былъ бы подавленъ ими совершенно. «При открытіи злоупотребленій, даже Цейеръ, человекъ съ добродушнымъ характеромъ, — говоритъ г. Вагинъ, — при видѣ ненавистныхъ беззаконій ожесточился, разстроилъ свое здоровье, сдѣлался мрачнымъ нелюдимомъ, стали опасаться за его разсудокъ». Положеніе Сперанскаго было тѣмъ тяжелѣе, что онъ видѣлъ всю невозможность уничтожить зло, вкоренившееся годами. Онъ старался, по возможности, облегчить это положеніе. «Ревизія Сперанскаго была болѣе совѣстная, нежели формальная, — говоритъ г. Вагинъ. Онъ отбросилъ всякія формальности. — Жалобъ на лихоимство было такъ много, а законы противъ него такъ жестоки, что Сперанскій рѣшилъ выключить слово *взятки* изъ сибирской ревизіи. Большую часть дѣлъ подобнаго рода онъ обращалъ въ гражданскіе иски и приказывалъ удовлетворять обиженныхъ. Словомъ, онъ прекращалъ множество дѣлъ домашнимъ образомъ. Многихъ виновныхъ онъ прощалъ, и старался сохранить полную безстрастность правосудія. Въ этомъ случаѣ онъ часто выказывалъ даже великодушіе и отрѣшался отъ того личнаго чувства и

страсти, съ какой часто совершаются дѣла такого рода». Напротивъ, эта роль по его личному характеру была непріятна. «Мое ли дѣло розыскивать, преслѣдовать, обличать, ловить преступленія?» — не разъ съ горечью восклицаетъ онъ въ письмахъ къ Столыпину. — «По совѣсти я никого не обвинялъ, кромѣ тѣхъ, кои попускали злоупотребленія, — пишетъ онъ ему, — но по закону *est безъ разбора виноваты*, и списокъ ихъ по сіе время по всѣмъ тремъ губерніямъ составляетъ уже около 150 человекъ»... «Если бы успѣхъ порученнаго мнѣ дѣла должно было измѣрять количествомъ обнаруженныхъ злоупотребленій, — писалъ Сперанскій Гурьеву, — то было бы мнѣ чѣмъ утѣшиться. Но какое же утѣшеніе! преслѣдовать толпу мелкихъ исполнителей, увлеченныхъ примѣромъ и попусченіемъ главнаго ихъ начальника! Дѣла сего начальства приведены теперь въ такую ясность, что мудрено было бы ихъ затмить».

Въ этомъ случаѣ Сперанскій хорошо понималъ, что причины злоупотребленій лежали не въ людяхъ, а въ цѣлой системѣ, что злоба и преслѣдованія тутъ не помогутъ. Несмотря на то, что Сперанскій множество дѣлъ разрѣшилъ самъ, онъ долженъ былъ предать суду двухъ губернаторовъ, 48 чиновниковъ, всѣхъ же замѣшано было 681 человекъ. Взысканія насчитывались до 2.847,000 руб. Всѣ эти дѣла были представлены въ сибирскій комитетъ; лица, участвовавшія въ злоупотребленіяхъ, были раздѣлены на категоріи, но къ болѣе строгому наказанію были приговорены только 43 человека. Эти лица были отрѣшены отъ должности и должны были удалиться во внутреннія губерніи, но и тутъ были сдѣланы исключенія. Трескинъ лишенъ, былъ чиновъ и знаковъ отличія.

Какъ ни могла казаться снисходительной подобная ревизія по своимъ послѣдствіямъ, въ виду огромныхъ злоупотребленій, лоскутовскихъ неистовствъ и т. п., но враги Сперанскаго въ Петербургѣ находили ее жестокою. До какой степени между тѣмъ слабы были взысканія, видно изъ многихъ фактовъ, приведенныхъ въ матеріалахъ. Между прочимъ, Сперанскій сдѣлалъ сначала распоряженіе объ обвиненныхъ въ злоупотребленіяхъ и отданныхъ подъ судъ — отдать подъ надзоръ полиціи, но вскорѣ и это отмѣнилъ. Геденштромъ, уволенный за взятки, снова поступилъ на службу. Лоскутовъ отпросился въ Иркутскъ и жилъ свободно. Сперанскій отдавалъ даже такіа распоряженія относительно подсудности изобличенныхъ чиновниковъ: «если казенный недостатокъ пополненъ или достаточно обезпеченъ, оставить дальнѣйшее изслѣдованіе, тѣмъ болѣе, что при

настоящемъ положеніи дѣлъ и при недостаткѣ чиновниковъ и употребить къ сему некого». И дѣйствительно, многіе замѣшанные въ дѣлахъ совершенно были оставлены безъ взысканій, а когда были получены свѣдѣнія о наложенныхъ взысканіяхъ, то нѣкоторые изъ подсудимыхъ, какъ Геденштромъ, задали даже пирушку.

Что Сперанскій не преслѣдовалъ съ особенной яростью мелкихъ чиновниковъ стараго управленія, это, конечно, могло объясняться только высотой его взгляда и пониманіемъ, что всякія преслѣдованія тутъ будутъ бесполезны; но не можетъ не показаться страннымъ, что въ своей ревизіи и изобличеніи Сперанскій преднамѣренно обошелъ главнаго виновника, Пестеля, а Трескина не обвинилъ даже во взяткахъ, несмотря на улики. «Дѣла могли ему доставить множество матеріаловъ для обвиненія Пестеля не только въ крайнемъ произволѣ, но и въ недобросовѣстности предъ высшимъ правительствомъ», говоритъ г. Вагипъ. Изъ писемъ видно, что Сперанскій хорошо зналъ ту связь, которая существовала между Пестелемъ и Трескинымъ. Онъ зналъ, что всѣ бумаги составлялись для Пестеля въ Иркутскѣ, что Пестель покрывалъ Трескина и былъ его участникъ. Въ одномъ письмѣ онъ говоритъ: «связь съ Трескинымъ у Пестеля другого рода, чѣмъ служебная. Не вѣрьте бѣдности моего предмѣстника». О талантахъ Пестеля онъ отзывался презрительно: «не только Сибирью, мнѣ кажется, ему трудно было бы управлять и олонецкою губерніею; это самая слабая голова, какую я когда-либо зналъ». При всѣхъ уликахъ, однако, Сперанскій пожелалъ «сдѣлать исключеніе изъ общаго правила, и не говорить ничего худого, или, по крайней мѣрѣ, молчалъ о своемъ предмѣстникѣ», какъ онъ выразился въ одномъ письмѣ Аракчееву. Онъ сначала умолчалъ-было объ отвѣтственности Пестеля въ сибирскихъ безпорядкахъ; но докладъ его былъ возвращенъ отъ государя съ повелѣніемъ, постановить заключеніе и о Пестелѣ. Дѣйствительно, указывая на причины зла, невозможно было не представить, какимъ образомъ главный управитель въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ скрывалъ и перерѣшавъ дѣла сибирскаго управленія во всѣхъ инстанціяхъ, пребывая постоянно въ Петербургѣ. Но здѣсь вѣроятно обнаружались бы тѣсныя отношенія нѣкоторыхъ лицъ къ Пестелю, какъ, напримѣръ, Аракчеева, а это не входило въ планъ Сперанскаго, видѣвшаго для себя за ревизіей новыя поприща въ Петербургѣ. Одной ревизіи, какъ человѣкъ государственный, Сперанскій не могъ придать какого-либо значенія въ улучшеніи дѣлъ и для прекращенія злоупотребленій въ краѣ. Представляя краткій от-

четь о своей ревизіи государю, въ 1820 г., Сперанскій говоритъ: «но сіи мѣры и сами по себѣ недостаточны, и въ исполненіи ихъ непрочны. Никакое начальство не можетъ ручаться въ продолжительномъ ихъ дѣйствіи, если не постановленъ будетъ порядокъ управленія, мѣстному положенію сего края свойственный».... «Ревизія есть дѣло временное,—писалъ онъ о томъ же Голицыну,—и повторять ее часто на сихъ разстояніяхъ невозможно. Порядокъ управленія, мѣстному положенію свойственный, можетъ одинъ упрочить добро на долгое время. Учрежденія безъ людей тщетны; но и люди безъ добрыхъ учрежденій мало добраго произвести могутъ». Послѣ ревизіи, люди остались тѣ же въ Сибири; страна терпѣла недостатокъ не только въ чиновникахъ честныхъ, но вообще въ чиновникахъ. «Здѣсь вопросъ,—писалъ Сперанскій,—не въ выборѣ людей честныхъ или способныхъ, но въ положительномъ и совершенномъ недостаткѣ даже и посредственныхъ, даже и людей неспособныхъ»... «Я не могу даже составить своей канцеляріи,—жаловался онъ,—и долженъ довольствоваться тѣмъ, что поступило ко мнѣ отъ моего предмѣстника»... «У меня управленіе безъ людей, обширное производство дѣлъ почти безъ канцеляріи»,—прибавляетъ онъ.

У Сперанскаго было немного своихъ помощниковъ, такъ какъ остальной штатъ управленія негдѣмъ было замѣнить послѣ Трескина. Въмѣсто Трескина, назначенъ былъ иркутскимъ губернаторомъ вице-губернаторъ Зеркалевъ, «человѣкъ безъ большихъ способностей и даже малограмотный»; въ «бумагахъ онъ терпѣть не могъ кавыкъ». Послѣ него былъ опредѣленъ комендантъ Цейдлеръ, человѣкъ добрый, но, по своимъ понятіямъ объ управленіи, онъ, какъ всѣ современники, скорѣе приближался къ Трескину. Томскимъ губернаторомъ оставался Илличевскій, при которомъ было открыто столько злоупотребленій; о способностяхъ его Сперанскій отзывался довольно презрительно. Тобольскимъ губернаторомъ считался 70-ти-лѣтній фонъ-Бринъ. Про начальника Якутской области говорятъ матеріалы, что безкорыстіе его было быть можетъ *небезупречно*, но оставался потому, что въ тѣ времена, и долго еще послѣ, на этотъ недостатокъ смотрѣли сквозь пальцы, если только онъ не выходилъ изъ извѣстныхъ границъ». Этого начальника между тѣмъ считали еще за дѣльнаго человѣка. Но въ это же время оставались на мѣстахъ и такіе начальники, какъ управитель Охотскаго порта—Ушинскій, о которомъ въ 1823 году отзывался Рикордъ: «Ушинскій во всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ руководствуется одною только властію начальника, не подчиняясь ни чести, ни совѣсти, и потому рѣшительно осмѣливаюсь объявить

свое мнѣніе, что дальнѣйшее его управленіе Охотскимъ портомъ противно человѣческому и божескому законамъ». Сперанскій долженъ былъ большинство чиновниковъ, избличенныхъ во взыточничествѣ по суду, оставить на мѣстахъ, потому что «негѣмъ было замѣнить». Несмотря на всю строгость ревизіи въ Иркутской губерніи, Сперанскій и здѣсь по недостатку въ людяхъ удалилъ очень немногихъ, наиболѣе обвинявшихся чиновниковъ. Въ отдаленныхъ мѣстахъ онъ принужденъ былъ смотрѣть снисходительно, даже на явно виновныхъ въ злоупотребленіяхъ». Сперанскій, смѣняя и замѣняя другими, приходилъ къ необходимости призывать уже отрѣшенныхъ за взятки, только потому, что они иногда казались менѣе жадными тѣхъ, кого смѣняли.

Характеристическій анекдотъ по этому поводу приводитъ одинъ изъ старожиловъ, С. С. Щукинъ. «Сперанскій, ѣхавшій по Сибири въ качествѣ генералъ-губернатора въ 1819 г., изумлялся неслыханнымъ злоупотребленіямъ разныхъ лицъ,—говоритъ Щукинъ въ своихъ запискахъ.—Онъ отрѣшилъ перваго исправника Зинова, на котораго вся жалоба состояла въ удержаніи 50 руб., слѣдовавшихъ крестьянамъ за постройку моста; но чѣмъ ѣхалъ далѣе, тѣмъ жалобы возрастали. Сказывали, что по пріѣздѣ въ Томскъ, онъ приказалъ написать отрѣшенному исправнику Зинову, чтобы онъ, какъ *честнѣйшій изъ исправниковъ*, пріѣхалъ въ Иркутскъ, гдѣ получилъ новое назначеніе». Самымъ разительнымъ примѣромъ недостатка въ чиновникахъ,—говоритъ г. Вагинъ,—служить дѣло объ опредѣленіи исправника въ Туруханскъ. Назначивъ слѣдствіе въ Туруханскъ, въ первомъ проѣздѣ по Сибири, Сперанскій отрѣшилъ бывшаго исправника Стыртова. Въмѣсто него Сперанскій опредѣлилъ Корсакова. Этотъ Корсаковъ, явившись, дрался съ крестьянами, инородцами и вахтерами, не исполняя требованій слѣдователя Осипова, посланнаго Сперанскимъ, хвастался тѣмъ, что братъ его служить правителемъ дѣлъ у Сперанскаго, притѣснялъ Стыртова въ сдачѣ дѣлъ, а самъ не занимался дѣлами. О немъ писалъ Осиповъ, что «ни малѣйшей нѣтъ надежды, чтобы по строптивости своей этотъ исправникъ пріобрѣлъ любовь инородцевъ»... «Отъ него уже бѣгаютъ, я ужъ не понимаю, на что онъ походить»,—прибавляетъ слѣдователь. Сперанскій предписалъ Корсакова смѣнить и назначить опять Стыртова, уже смѣненнаго по ревизіи. Пока дѣло шло, «человѣкъ, о которомъ говорили, что «онъ не знаю на что походить», оставался на мѣстѣ почти годъ послѣ этого отзыва» и замѣненъ былъ не лучшимъ. То же самое было и съ другими перемѣщеніями. Чиновники не могли измѣнить своихъ привычекъ и возрѣній и при Сперанскомъ. «Нравственный

уровень тогдашняго чиновничества былъ не высокъ — замѣчаетъ г. Вагинъ. Примѣръ продажности подавали высшіе чиновники; кромѣ того, у среднихъ и низшихъ были свои пороки: пьянство и развратъ, сопряженные съ буйнымъ разгуломъ... «Этихъ пороковъ были не чужды и нѣкоторые изъ способнѣйшихъ людей того времени», прибавляетъ изслѣдователь (Матер. Вагина, стр. 140). Но лучшимъ примѣромъ, до чего могли пасть нравы въ средѣ сибирскаго чиновничества, служить опять рассказъ Шуккина объ ожиданіи Сперанскаго. Въ важныхъ случаяхъ у Трескина собирались для совѣта исправники и главные лица управленія. Передъ пріѣздомъ Сперанскаго, на чрезвычайномъ конгрессѣ одинъ изъ приближенныхъ Трескина, Третьяковъ, предложилъ слѣдующій вопросъ Трескину:— «А что, Н. И., Михайло Михайловичъ ѣсть хлѣбъ?— Какъ же, Алеша, не ѣсть?!—А если ѣсть, то трудно ли будетъ съ нимъ познакомиться?—Пусть кумъ Андрей (одинъ изъ исправниковъ) дастъ столько-то, Евстафій Фомичъ (другой исправникъ) столько-то. Такимъ образомъ пересчиталъ всѣхъ, и рѣшено было собрать, какъ тогда говорили, нѣсколько сотъ тысячъ рублей и поручить ихъ Лоскутову поднести при первомъ вступленіи Сперанскаго на границу иркутской губерніи».

При такихъ условіяхъ ревизія осталась почти безъ послѣдствій. Мы видимъ, что Сперанскій и самъ понималъ, что безъ учреждений, безъ болѣе удовлетворительнаго контингента чиновниковъ, наконецъ, безъ новыхъ «основаній» управленія, невозможно дальнѣйшее управленіе Сибирью. Совершивъ ревизію, онъ и считалъ свое порученіе конченнымъ. «Считая пребываніе свое здѣсь временнымъ,—писалъ Сперанскій,—я долженъ сего держаться и потому, что управленіе Сибири, при настоящемъ вещей порядкѣ, есть вещь для меня невозможная, да и никто, думаю, съ здравымъ смысломъ на сіе не отважится»... «Къ марту мѣсяцу всѣ слѣдствія будутъ окончены, и всѣ свѣдѣнія изготовлены. Послѣ сего мнѣ здѣсь дѣлать будетъ нечего. Смѣю даже утверждать, что пребываніе мое здѣсь было бы вредно. Правительство лишится къ себѣ послѣдняго довѣрія, если, обнаруживъ безпорядки, оно не поспѣшитъ ввести лучшаго устройства; а введеніе сіе отъ меня не зависитъ»,—такъ пишетъ онъ къ Кочубею.

Въ планѣ Сперанскаго было, раскрывши безпорядки и злоупотребленія въ сибирскомъ управленіи, немедленно уѣхать изъ Сибири и участвовать только въ составленіи для него новаго положенія и новыхъ основаній управленія. Но онъ былъ оставленъ еще на годъ управлять Сибирью въ качествѣ генералъ-губернатора на старомъ положеніи. Лично для себя, какъ мы указали,

онъ получилъ съ горемъ новую отсрочку, принявъ ее за немилость, но, кромѣ того, онъ понималъ и всю трудность что-нибудь сдѣлать здѣсь при прежнихъ средствахъ. Какъ ни предполагають биографы Сперанскаго, увлекаясь личными качествами и достоинствами этого администратора, что одно пребываніе Сперанскаго въ Сибири уже могло измѣнить порядокъ дѣлъ, но самъ Сперанскій справедливо не придавалъ такого значенія своему управленію. Въ этомъ смыслѣ онъ дѣлаеть слѣдующія характеристическія замѣчанія насчетъ своего управленія, въ качествѣ генералъ-губернатора, Сибирью:

«Какою волшебною силою человѣкъ, брошенный сюда изъ Пензы, — пишетъ онъ Кочубею, — безъ всякихъ знаковъ особеннаго довѣрія, не получивъ и не предъявивъ никакихъ новыхъ и значительныхъ инструкцій вступить въ борьбу со всѣми почти чиновниками, со всѣмъ составомъ управленія, могъ одинъ съ Цейеромъ обуздать извѣстныя сибирскія дерзости, обнаружить злоупотребленія, потрясти фортуны, въ 13 лѣтъ составленныя, и испровергнуть цѣлую систему связей твердыхъ, обдуманыхъ и привычкою скрѣпленныхъ? Мы не въ томъ вѣкѣ живемъ, и Сибирь не тотъ край, гдѣ бы истина могла произвести сіи явленія! Какъ я могу управлять безъ моральной власти? — Скажутъ — законами, какъ будто существуютъ законы въ Сибири, всегда управляемой самовластіемъ, и какъ будто законы могутъ исполняться безъ исполнителей. Страхъ есть дѣло внезапности, родъ очарованія; надобно знать его мѣру, чтобы имъ пользоваться. Вопросъ: кто наиболѣе страдаетъ отъ сего положенія дѣлъ? — Сибирь, ибо первое послѣдствіе всякаго пренебреженія власти есть собственный свой вредъ. А что власть, мнѣ данная, будетъ пренебрегаема, въ семъ не могу я имѣть ни малѣйшаго сомнѣнія». Такимъ образомъ, Сперанскій сознавалъ полную невозможность управленія краемъ, поставленный въ прежнее положеніе правителей. Онъ понималъ, что злоупотребленія и при его управленіи по прежнему будутъ развиваться. Свои воззрѣнія на дальнѣйшее управленіе Сибирью онъ откровенно высказываетъ въ письмѣ къ князю Голицыну: «Когда всѣ дѣла, порученныя мнѣ (т.-е. ревизія) окончены, мнѣ остается влачить здѣсь цѣлый годъ почти въ бездѣйствіи. Я называю бездѣйствіемъ поверхностное отправленіе текущихъ дѣлъ и терпимость безпорядка и злоупотребленій. Я могъ ихъ остановить, — говоритъ онъ, — но не истребить, ибо порядокъ управленія, краю сему несвойственный, остается тотъ же, исправлять я его не могу; люди остаются тѣ же, перемѣнить ихъ не кѣмъ. Я не могу даже дать движеніе суду надъ ними; ибо тѣ,

кои должны ихъ судить, сами подлежатъ суду по другимъ дѣламъ подобнымъ. Людей, отрѣшенныхъ въ одномъ уѣздѣ или въ одной губерніи, я принужденъ употреблять въ другой, дабы во все не остановить теченія дѣлъ». Такимъ образомъ, Сперанскій былъ достаточно откровененъ въ этомъ случаѣ, чтобы не закрывать глаза себѣ и другимъ, и не желалъ быть рыцаремъ, выставляющимъ личную борьбу съ злоупотребленіями за ихъ искорененіе и прекращеніе, а своимъ предписаніямъ и циркулярамъ придавать значеніе, какъ бы дѣла отъ этого измѣнились.

Управленіе его дѣйствительно ничѣмъ особеннымъ и не могло ознаменоваться. Одна личность, окруженная массой совершенно другого рода дѣятелей, не могла измѣнить порядокъ дѣлъ, и въ общемъ вліяніе ея было не особенно замѣтно. Проявленіе злоупотребленій не прекращалось. «Въ то время, когда Сперанскій преслѣдовалъ прежнія, — замѣчаетъ справедливо г. Вагинъ, — подъ его управленіемъ, подъ самой грозой его ревизіи, почти въ его присутствіи совершались новыя злоупотребленія и возбуждали необходимость въ новыхъ преслѣдованіяхъ». Также дѣло шло во все время его управленія. Если чѣмъ могло отличаться его управленіе, то развѣ нѣкоторыми попытками ослабить прежній административный гнетъ, мелочность прежней регламентаціи и предоставить болѣе свободы обществу. Въ этомъ случаѣ весьма любопытны слѣдующіе его взгляды на управленіе. Первымъ долгомъ онъ пытается загладить вѣковой разладъ между обществомъ и управителями. Онъ пробуетъ жить въ мирѣ съ обществомъ. Въ раскрытіи злоупотребленій онъ обратился къ гласности, къ общественному мнѣнію, и только благодаря этому могъ открыть многія злоупотребленія, покрывавшія Сибирь. Онъ пользовался помощью общества, кабинетнымъ, частнымъ образомъ, и сближался съ нимъ для своихъ цѣлей. Во время поѣздокъ онъ знакомится съ купцами, мѣщанами, выслушиваетъ крестьянъ и пользуется ихъ мнѣніями. Матеріалы, нынѣ собранные, указываютъ, что и его законодательная дѣятельность не лишена была частнаго вліянія. «Сохранилось преданіе, — говоритъ г. Вагинъ, — что въ Иркутскѣ Сперанскій совѣтовался о нѣкоторыхъ частяхъ своего законодательства съ извѣстными лицами изъ мѣстнаго купечества. Нѣкоторые изъ купцовъ и мѣщанъ, бывшихъ въ киргизской степи, были даже прямыми сотрудниками Батенькова при составленіи учрежденія о киргизахъ». Этотъ духъ его управленія, а именно, при помощи сближенія съ обществомъ и установленія съ нимъ солидарности, конечно, былъ дѣломъ его личной тактики и не перешелъ ни въ законы, проектируемые

имъ, не могъ быть и переданъ его послѣдователямъ и намѣстникамъ.

Далѣе видно, какъ говорить г. Вагинъ, что «онъ былъ рѣшительный врагъ того полицейскаго *хватанья*, до котораго были такіе большіе охотники многіе администраторы, не только его, но и позднѣйшаго времени; онъ отнюдь не видѣлъ въ стѣсненіяхъ личной свободы панацеи противъ всевозможныхъ преступленій». Дѣйствительно, въ своихъ распоряженіяхъ онъ постоянно умѣряетъ пылъ исполнителей, приученныхъ прежними порядками не щадить личность и не церемониться съ ней. Второю чертою его управленія было ослабленіе прежней регламентаціи, къ которой такъ склонны были его предшественники. «Крутыя мѣры, принятія Трескинымъ,—сообщаетъ г. Вагинъ,—частію были прямо отмѣнены Сперанскимъ, частію значительно ослаблены». Мы говорили, до какой степени регламентація вѣлась въ нравы сибирскаго управленія. Крестьяне обращаются съ просьбами къ Сперанскому, чтобы ихъ пощадили отъ планировки селеній и обязательной постройки какихъ-то форменныхъ колодцевъ съ валомъ и колесомъ. Нѣкоторые города просятъ дозволить имъ навозомъ укрѣплять берегъ, такъ какъ это было запрещено, несмотря на то, что это было единственное спасеніе отъ разливовъ рѣкъ. Трескинъ отводилъ устье Иркутъ подъ тѣмъ предлогомъ, что рѣка имѣетъ «*неправильное теченіе*», и старался дать ей новое русло, но рѣка все держалась своего «*неправильнаго теченія*», наперекоръ Трескину. Сперанскій, конечно, былъ другихъ взглядовъ на управленіе, чѣмъ Трескинъ и предшественники. Онъ административныя задачи не низводилъ до архитекторскихъ обязанностей, до насильственнаго «устроительства», до крашенія заборовъ, ломки домовъ, какъ это дѣлали другіе, даже позднѣе Сперанскаго; съ высоты своего поста не лѣзъ для вмѣшательства въ городское хозяйство, не обиралъ и не разорялъ городскихъ думъ въ пользу любителей. Онъ предоставлялъ самому обществу вести дѣла свои.

Изъ его распоряженій и предписаній видно, что онъ былъ приверженецъ свободы торговли, и въ этомъ случаѣ былъ поклонникъ Смитовской школы. Онъ издавалъ постоянно инструкции и правила, и предметомъ ихъ было, какъ онъ выражался, «всемирно благопріятствовать всякому свободному движенію торговли и удалить всѣ препятствія, какія при прежнемъ управленіи нерѣдко возникали изъ ложнаго понятія о ярмаркахъ, о сборѣ ясака и тому подобныхъ мѣрахъ». Въ Сибири относительно торговли съ инородцами существовали до 1819 г. двѣ системы. Одна изъ нихъ была основана на опежѣ администраціи надъ инородцемъ, въ

предупрежденіе кабалы и злоупотребленій купцовъ ввозомъ въ инородцамъ водки и т. п. Но при этомъ полиція и мѣстные чиновники, въ огражденіе инородцевъ отъ злоухищреній купцовъ, сами принялись за торговлю и вели ея къ общему благополучію — и охраняя инородцевъ, и не забывая себя. Другой системы помогались постоянно купцы въ своихъ выгодахъ, и ее привыкли понимать подъ именемъ «свободной торговли». Сперанскій склонялся къ этой послѣдней и особенно способствовалъ ея развитію, покровительствуя мѣстнымъ купцамъ. Въ этомъ случаѣ было не только замѣчательно его управленіе, но взглядами этими проникнуто и составленное имъ положеніе, послужившее основою къ позднѣйшему законодательству для Сибири. Мѣры эти замѣчательны были по одному, а именно по результатамъ, какими онѣ отразились въ сибирской исторіи. Система запретительная и опека надъ инородцемъ, какъ мы видимъ, привели здѣсь къ тому, что чиновники захватили въ свои руки торгъ и стали купцами. Что касается новой «свободы торговли» и покровительства торга купцовъ съ инородцами по идеѣ Сперанскаго, то она оказалась тоже не особенно выгодной. Нѣкоторые купцы, пользуясь покровительствомъ и отсутствіемъ всякой защиты инородца, взяли себѣ цѣлыя мѣстности, какъ Нерчинскій край, на откупъ, закабалили торговлей населеніе и дѣлали съ инородцами и крестьянами что хотѣли». Купцы закабалили въ Сибири при помощи долговъ не только крестьянъ, но и мелкихъ чиновниковъ. Злоупотребленія ихъ остались необнаруженными и безнаказанными и при Сперанскомъ. Въ Якутскѣ существовала та же система грабежа подъ видомъ торговли, и это тянулось до временъ Муравьева (т. е. до шестидесятихъ годовъ). Многіе администраторы позднѣе Сперанскаго поэтому должны были начать борьбу съ этимъ зломъ.

Торговая кабала надъ инородцемъ и крестьяниномъ до послѣдняго времени составляетъ изву страны. Изъ этого видно, что какъ система вмѣшательства, такъ и дурно понятая «свобода торговли» въ Сибири, при извѣстныхъ порядкахъ, вели одинаково къ печальнымъ послѣдствіямъ, а поощренія Сперанскаго «свободѣ торговли» только проявили другое зло, не менѣе опасное. Не измѣнялись и другія злоупотребленія сибирскаго быта при Сперанскомъ. Система казенныхъ подрядовъ при Трескинѣ, сопряженная съ разграбленіемъ казны, посредствомъ непомѣрныхъ подрядныхъ цѣнъ, часть которыхъ шла на взятки, конечно, доходила до крайности, но злоупотребленія эти не уменьшались и послѣ Сперанскаго. Реформа Сперанскаго ничего тутъ не сдѣлала.

Собственно управленіе Сперанскаго въ Сибири, какъ мы ска-

зали, не могло ни принести замѣтныхъ результатовъ, ни послужить къ измѣненію дѣлъ. Управление это прошло поэтому незамѣтно: ни духъ его, ни мѣры Сперанскаго, ни личныя качества не были оцѣнены и поняты въ Сибири даже тѣми, кому онъ наиболѣе покровительствовалъ, какъ, напримѣръ, торговымъ сословіямъ. Сибиряки такъ пріучились къ регламентаціи, къ вмѣшательству администраціи, къ «строительству» Трескина и тому подобныхъ, что невмѣшательство Сперанскаго въ дѣла общества и его сознательное «laissez faire, laissez passer» просто было объяснено лѣнью, неисправленіемъ своихъ обязанностей и поставлено ему иркутянами въ вину. Трескинъ же, наоборотъ, превознесенъ за его распорядительность вмѣстѣ съ своею системою. «Трескинъ былъ прекрасный, распорядительный начальникъ», — говорятъ старожилы Иркутска, рассказы которыхъ помѣщены при матеріалахъ г. Вагина. «Трескинъ все-таки *хозяинъ* былъ, *административный* человѣкъ. Онъ городъ устроилъ, вѣдь это все, и улицы, и... все это Николай Ивановичъ. До него — стыдъ сказать — «отходы» на улицу были. Братскіе даже, — на что ужъ! — и тѣхъ пахатъ заставилъ. Словомъ, онъ ввелъ всю эту *цифру*. Ну, и *исправники* у него были *хорошіе*, и *засѣдатели*... «Трескина я глубоко уважаю — говорить другой. — Это былъ *гениальный администраторъ*». Въ этихъ отзывахъ извиняють даже деспотизмъ и взяточничество Трескина. Лоскутовъ, по мнѣнію современниковъ, былъ *тоже отличный администраторъ*. Онъ устроилъ Нижнеудинскія поселенія, и тутъ же приводятъ рассказъ въ доказательство его способностей, какъ онъ *училъ* поселенцевъ, «спарывая всю шкуру съ головы до пятокъ»... «Сперанскій же *не былъ администраторъ* — прибавляетъ тотъ же мудрецъ-старожилъ. — Онъ былъ только умный человѣкъ на бумагѣ». Такъ управление Сперанскаго было понято современниками, выдрессированными Трескинымъ.

Объ управленіи Сперанскаго съ исторической точки зрѣнія можно только сказать, что при старыхъ условіяхъ и при существовавшей обстановкѣ, безъ солидныхъ учреждений, на отсутствіе которыхъ онъ жаловался, при поголовномъ невѣжествѣ общества, злоупотребленіяхъ исполнителей, онъ и не могъ произвести существенныхъ измѣненій дѣлъ въ ходѣ сибирской администраціи. Какъ мы видимъ, онъ сознавалъ это и силился даже разъяснить другимъ, разрушая иллюзію, будто *одна его личность* могла что-либо сдѣлать. Воскрешать эту иллюзію въ настоящее время нѣтъ никакихъ основаній и совершенно бесполезно. Если что могло имѣть значеніе, то это законодательная дѣятельность Сперанскаго

по отношенію къ Сибири, имѣвшая въ виду будущее страны; она-то и можетъ быть оцѣниваема исторіей.

III.

Составленіемъ сибирскаго учрежденія Сперанскому выпало на долю разсѣчь гордіевъ узелъ 200-лѣтняго сибирскаго управленія и разъ навсегда прекратить постоянно возникавшіе безпорядки и злоупотребленія въ Сибири. Управление Пестеля и Трескина отражало только вѣковой режимъ сибирской администраціи. Такимъ образомъ, чтобы искоренить неудобство и безпорядицу управленія, необходимы были не частныя, а общія мѣры. Ревизія Сперанскаго, хотя и лучшаго человѣка своего времени, не помогла, какъ не помогало развитію злоупотребленій его управленіе. Средство оставалось одно: создать новыя основанія управленія, услѣдивъ причины зла. Общіе недостатки сибирскаго управленія состояли въ самовластіи, безконтрольности, беззаконіи и личномъ произволѣ, развившимися благодаря отдаленности страны. Правительство съиздавна сознавало, что управлять этимъ новопріобрѣтеннымъ и отдаленнымъ краемъ на общихъ основаніяхъ не было возможности, а потому давно старалось создать въ немъ особенный порядокъ управленія, свойственный мѣстнымъ условіямъ. Попытки эти проходили черезъ всю исторію Сибири. Когда-то, при воеводскомъ управленіи, былъ учрежденъ въ Москвѣ особенный «Сибирскій Приказъ», которому воеводы были обязаны отчетомъ и который былъ въ родѣ колониальнаго департамента. Съ 1708 г. по 1764 г., т.-е. съ Петра, Сибирью управляли уже губернаторы, жившіе въ Тобольскѣ. Вся Сибирь называлась сибирской губерніей и имѣла пять провинцій. Въ составъ ея управленія входили не только Сибирь, но и часть нынѣшнихъ вологодской, вятской, пермской и оренбургской губерній. Этимъ огромнымъ райономъ завѣдывалъ одинъ губернаторъ съ огромною властью. Какова была эта власть, это видно по первому изъ губернаторовъ, князю Гагарину, создавшему изъ себя сибирскаго вице-роя. Губернаторская власть послѣ Гагарина не только не уменьшалась, но постоянно увеличивалась. Между тѣмъ, устроена была военная омская линія съ особымъ начальствомъ, и къ Россіи присоединено было новое инородческое царство въ лицѣ киргизовъ. Тогда, при Екатеринѣ, вздумали и въ Сибири устроить особое намѣстничество. Екатерина видѣла въ Сибири обширную инородческую колонию

и рѣшилась дать ей права подчиненнаго царства. Она принимаетъ мѣры въ улучшеніи быта инородцевъ, водворяетъ покровительство торговлѣ бухарцевъ, общаетъ изъ нихъ создать особую торговую думу для цѣлой Сибири, съ дѣлопроизводствомъ на бухарскомъ языкѣ, уничтожаетъ казенныя монополіи, наконецъ наименовываеъ Сибирь «царствомъ», даетъ ему особый гербъ съ двумя соболями и чеканитъ особую сибирскую монету. Въ Тобольскѣ символомъ царской власти, подъ покровительствомъ котораго считается это инородческое царство, поставленъ былъ тронъ, на которомъ сибирскій намѣстникъ принималъ свидѣтельство вѣрноподданства отъ хана средней киргизской орды и остяцкихъ князей. Конечно, было странно видѣть, что край, все болѣе и болѣе заселяемый русскими, вдругъ какъ-бы обратно названъ былъ инородческимъ царствомъ, съ предоставленіемъ особеннаго покровительства и даже автономіи инородцамъ. Но это объясняется не столько тѣмъ, что Екатерина Великая хотѣла обратить Сибирь въ первобытныя формы татарскаго царства, сколько ея реформаторскими планами, которые она имѣла въ виду относительно цѣлой Россіи и которые не могли не коснуться и Сибири. Въ этомъ случаѣ она скорѣе пробовала здѣсь создать нѣчто въ родѣ отдѣльнаго и мѣстнаго управленія на подобіе колоніальныхъ европейскихъ правительствъ. Планъ этотъ не былъ окончательно приведенъ въ исполненіе, и не былъ завершенъ, за то отъ него осталась въ Сибири обширная намѣстническая власть. Уже первый намѣстникъ вмѣсто того, чтобы стоять на ступеняхъ трона, учрежденнаго въ Тобольскѣ и наминавашаго власть одной монархини, взобрался самъ на него, и такимъ образомъ возвелъ себя какъ-бы въ царское достоинство; то же произошло и въ дѣлѣ управленія. Наконецъ, въ 1799 г., намѣстничество было отмѣнено въ Сибири, и тронъ отправленъ въ Петербургъ, а тобольская и иркутская губерніи возстановлены въ прежнемъ видѣ. Нечего говорить, что ни намѣстничества, ни губернаторства не могли вполне обезпечить хорошаго управленія. Уже иркутскій намѣстникъ Якоби попалъ подъ судъ, за нимъ Леццано, наконецъ послѣдовала ревизія Селифонтова и смѣна послѣдняго. Мысль устроить въ Сибири порядокъ управленія, отдѣльный и сообразный съ ея положеніемъ, высказанная при введеніи общаго управленія въ 1775 г., снова повторилась правительствомъ въ инструкціи Селифонтову. «Сибирскій край требуетъ измѣненія какъ въ раздѣленіи его, такъ и въ самомъ образѣ управленія особеннаго постановленія». Съ этою цѣлю и былъ посланъ Селифонтовъ «для

личнаго обозрѣнія, собранія свѣдѣній, какъ говорила инструкція, статистическихъ, географическихъ и камеральныхъ, и основанія на самыхъ достовѣрныхъ свѣдѣніяхъ раздѣленія и порядка управленія краемъ». Самое управление Селифонтову поручалось съ временною цѣлю, «прежде нежели будутъ приведены къ концу всѣ предположенныя къ лучшему его образованію мѣры». Наконецъ, въ 1803 г. учрежденіе комиссарствъ было предтечею болѣе общихъ преобразованій, причемъ опять упомянуто, что эта мѣра примѣняется, «прежде—пока можно будетъ составить полное образованіе края».

Даже во время генераль-губернаторства въ Сибирѣ Селифонтова и Пестеля, мысль объ изданіи новыхъ правилъ для управленія Сибирью не оставляла правительства. По сибирскимъ дѣламъ былъ учрежденъ особый комитетъ, подчиненный комитету министровъ. Въ 1814 году, сибирскому генераль-губернатору предполагалось дать новую инструкцію. Въ 1816 году было предположено возстановить въ Россіи на всемъ пространствѣ намѣстничества,—конечно, въ этотъ планъ входила и Сибирь. Вѣроятно въ то время такимъ образомъ выражалась мысль о децентрализаци. Свѣдѣнія и матеріалы, въ видахъ составленія новаго особаго положенія для Сибирѣ, продолжали собираться и при Трескинѣ. Правительство не могло только приступить къ преобразованію сибирскаго управленія, отвлекаемое войнами 1812—1814 годовъ. Несмотря на то, въ видахъ удобства мѣстнаго управленія и быстраго рѣшенія дѣлъ, правительство дѣлало постоянно частныя измѣненія въ сибирскомъ управленіи, между прочимъ предоставляя главнымъ администраторамъ особыя уполномочія. Это дало поводъ послѣднимъ самимъ хлопотать объ увеличеніи власти. Таковы собственно были особенности въ основаніяхъ сибирскаго управленія въ эпоху, предшествовавшую Сперанскому. Но въ концѣ управленія Пестеля взглядъ правительства измѣнился: оно должно было усумниться въ пользахъ увеличенія этой власти, и министръ Козодавлевъ выразилъ въ своей запискѣ рѣшительное мнѣніе противъ такого порядка. «Въ первое время открытія безпорядковъ въ Сибирѣ,—писалъ онъ,—они были приписываемы слишкомъ ограниченной власти начальниковъ, а потому она была усиливается постоянно и всегда, какъ новые и сильнѣйшіе безпорядки открывались». Такимъ образомъ, явилось вновь сознаніе о необходимости ограниченія власти правителей. Мысли эти высказаны довольно опредѣленно въ проектѣ министра внутреннихъ дѣлъ Козодавлева, который обыкновенно ставятъ въ параллель съ проектомъ Сперанскаго. Разсматривая

причины существовавшихъ безпорядковъ, Козодавлевъ приходитъ къ заключенію, что для предотвращенія ихъ возникновенія «необходимо начертать, болѣе сообразное съ мѣстными условіями, управленіе». Проектъ его заключалъ слѣдующія основанія: не распространяясь въ исчисленіи всѣхъ золь, происходящихъ отъ самовласти мѣстныхъ начальниковъ, — пишетъ министръ, — мнѣ кажется, что власть ихъ должна быть ограничена, а не распространяема и увеличиваема. Учрежденіе верховнаго въ сибирскихъ губерніяхъ правительства совѣта или комиссіи, частію опредѣляемыхъ изъ чиновниковъ отъ правительства, частію избираемыхъ изъ тамошнихъ жителей разныхъ сословій, можетъ одно ограничить власть начальника, который, какъ предсѣдатель сего мѣста, имѣетъ только перевѣсъ въ случаѣ равныхъ голосовъ. Впрочемъ, въ случаяхъ чрезвычайныхъ и по дѣламъ, времени не терпящимъ, главный начальникъ можетъ дѣло остановить, или приказать исполнить безъ отлагательства, не взирая на несогласіе совѣта, но въ ту-жъ минуту безъ малѣйшаго промедленія онъ долженъ сообщить объ ономъ тому министру, до части котораго производимое дѣло касается. Кромѣ того, прибавляетъ Козодавлевъ, мнѣ кажется, что при ограниченіи власти мѣстнаго начальника, не бесполезно будетъ усилить и власть магистратовъ и городскихъ правленій. Магистраты городовъ остъ-зейскихъ губерній доказали и доказываютъ пользу, каковую они принесли и приносятъ промышленности, торговлѣ и вообще образованности жителей тѣхъ губерній». Таковы были мысли министра, высказанныя въ засѣданіи комитета, которыя онъ предполагалъ положить въ основаніе реформы, и передалъ Сперанскому.

Что касается мнѣній Сперанскаго, то, послѣ совершенной ревизіи, онъ видѣлъ также необходимость произвести коренную реформу сибирскаго управленія, согласно мѣстнымъ условіямъ края. Онъ сознавалъ, что управленіе на общемъ положеніи, при отдаленности Сибири, невозможно, и требуется созданіе особыхъ основаній. «Если бы разстройство сего края было частное, то можно было бы и исправить его частными перемѣнами, но Сибирь требуетъ общаго и совокупнаго во всѣхъ частяхъ образованія, — писалъ онъ, обозрѣвъ сибирскіе порядки. — Она не можетъ быть управляема, какъ новгородская и тверская губерніи, между тѣмъ настоящій порядокъ и правила одинаковы», — присовокуплялъ онъ въ письмѣ къ Кочубею.

Трудность административныхъ задачъ въ Сибири состояла въ томъ, что здѣсь не прилагались, не прилаживались вовсе тѣ начала управленія, которыя проектировались въ другихъ областяхъ,

порождая совершенно иные результаты. Здѣсь не удавалось управленіе ни на общемъ основаніи, ни на особенномъ. При томъ и другомъ порядкѣ являлись особаго рода неудобства. Если при одномъ порядкѣ страна терпѣла отъ самовластия при увеличеніи власти, которая предоставлялась мѣстнымъ начальникамъ для скорѣйшаго рѣшенія дѣлъ, то, съ другой стороны, замедленіе дѣлъ и зависимость ихъ отъ дальнихъ центральныхъ учреждений приводили въ Сибири къ другимъ затрудненіямъ. Рѣшенія дѣлъ или какихъ-либо необходимыхъ для края распоряженій приходилось ждать по нѣскольку лѣтъ; такъ, разъ, пришедшій грузъ въ Камчатку съ съѣстными припасами долженъ былъ дожидаться разрѣшенія о принятіи ихъ изъ Петербурга. Дѣла уголовныя длились десятки лѣтъ. Такимъ образомъ, усиленіе власти и предоставленіе ей значительныхъ полномочій поселяло произволъ, а уменьшеніе власти и подчиненіе хода дѣлъ отдаленнымъ высшимъ инстанціямъ рождало замедленіе и неудобства для края. Однѣ мѣры парализовали другія; сибирское управленіе требовало между тѣмъ мѣстнаго управленія со всѣми гарантіями отъ произвола администраціи. Централизація здѣсь приводила къ однимъ злоупотребленіямъ, а предоставленіе независимой власти начальникомъ на мѣстѣ — къ другимъ. Таковъ былъ давнишній сфинксъ сибирской исторіи. Эти задачи должно было разрѣшить и примирить Сперанскому.

Сперанскій хорошо видѣлъ, что доселѣ управленіе Сибирью основывалось на личномъ довѣріи къ администраторамъ, и что этой власти не было положено основаній. Онъ поставилъ цѣлью, поэтому, сибирскихъ правителей подчинить законамъ и сдѣлать орудіемъ правительства. Но самое огражденіе законами не могло достигать цѣли, по его мнѣнію, безъ особыхъ, прочныхъ учреждений, могущихъ слѣдить за этой властью. Самые лучшіе начальники, предоставленные себѣ, могли ошибаться. Вотъ что чрезвычайно справедливо высказалъ онъ по этому поводу: «если бы личная власть въ Сибири, говоритъ онъ, предоставленная до 1819 года бывшимъ въ Сибири главнымъ правителямъ, и ограждалась подробными и самыми вѣрными правилами, то и тогда, бывъ удалена отъ надзора, и не имѣя вокругъ себя ни преграды, ни предостереженія, она легко могла бы перейти въ самовластіе. Довѣріе къ личнымъ свойствамъ тутъ не защита, ибо въ самовластіе впадаютъ постепенно, нечувствительно и не всегда съ худымъ намѣреніемъ. Напротивъ, при намѣреніяхъ самыхъ лучшихъ, по самому усердію къ добру и желая дойти къ нему кратчайшею дорогою или избрать рѣшительнѣйшія мѣры, увле-

каются въ заблужденія, сперва для сокращенія нарушаютъ формы маловажныя, потомъ идутъ къ важнѣйшимъ, наконецъ касаются и существа дѣла, и такимъ образомъ поступаютъ всегда по добрымъ побужденіямъ, ниспровергаютъ порядокъ и, дѣйствуя по совѣсти, дѣйствуютъ противозаконно». Главною программой и цѣлью своей реформы онъ поставилъ, поэтому: 1) преобразить личную власть начальниковъ въ установленіе и, соединивъ единство ея дѣйствія съ *гласностью*, охранить ее отъ самовластиа и злоупотребленій законными средствами; учредить ея дѣйствія (т.-е. распоряженія), чтобы они не были личными и домашними, а служебными и *публичными*; 2) усилить надзоръ, собравъ раздробленныя и безсильныя его части въ одно *установленіе*, и такимъ *учрежденіемъ замѣнить, съ одной стороны, удаленный отъ Сибири надзоръ высшаго правительства, а съ другой—недостаточный надзоръ общественнаго мнѣнія*; 3) раздѣлить и опредѣлить тѣ административныя функціи, которыя были прежде смѣшиваемы въ разныхъ учрежденіяхъ; 4) привести въ согласіе всѣ части управленія; 5) приспособить управленіе къ особенному положенію тѣхъ сибирскихъ областей, которыя при огромномъ пространствѣ имѣютъ весьма мало населенія; 6) ввести простоту и удобство обрядовъ въ видахъ успѣшности и быстроты разрѣшенія дѣлъ.

Какъ ни были благонамѣренны и соотвѣтственны обстоятельствамъ эти цѣли, но, конечно, при всякихъ благихъ намѣреніяхъ важнѣе всего ихъ выполненіе. А потому любопытно взглянуть, какими путями Сперанскій стремился осуществить ихъ? Имѣя въ виду содѣйствовать быстрому разрѣшенію дѣлъ на мѣстѣ и учредить контроль въ сибирскомъ управленіи, Сперанскій проектировалъ составить отдѣльное высшее управленіе для Сибири. Онъ предложилъ образовать въ каждой части Сибири «главное управленіе подъ предсѣдательствомъ генераль-губернатора»; главное управленіе должно было служить и высшимъ правительственнымъ мѣстомъ въ Сибири. Генераль-губернаторская власть являлась исполнительною, она составляла только часть установленія. Дѣятельность ея состояла только въ надзорѣ и исполненіи. Такимъ образомъ, онъ проектировалъ ограниченіе власти и специальное ей назначеніе. Въ помощь генераль-губернаторамъ учреждались совѣты изъ чиновниковъ мѣстнаго управленія и частью отъ министерствъ: «мнѣніе этого совѣта необходимо во всѣхъ важныхъ предметахъ, присвоенныхъ совѣту». «*Но мнѣнія совѣта безъ утвержденія предсѣдателя недѣйствительны; члены совѣта не могутъ остановить исполненія, но они*

имѣють право непринятое мнѣніе представлять высшему начальству». Роль совѣтовъ была *совѣщательная*. Подобные же совѣты устанавливались въ помощь губернаторамъ изъ чиновниковъ главнаго управленія по губерніямъ и окружные совѣты у окружныхъ начальниковъ.

Таковъ былъ планъ, на которомъ построено сибирское учрежденіе. Планъ этотъ основывался на введеніи коллегіальнаго управленія во всѣхъ частяхъ, вмѣсто единоличнаго, и опирался на взаимный контроль однихъ учреждений другими. «Введеніемъ коллегіальнаго управленія,—говоритъ г. Вагинъ,—Сперанскій имѣлъ въ виду предохранить власть отъ ошибокъ и увлеченій. Но это нисколько не ослабляло исполнительной власти, отъ нея зависѣло принять или не принять мнѣніе совѣта. Одно уже это показывало теоретичность проекта, имѣвшаго въ виду разомъ соединить и *ограниченіе*, и *независимость* исполнительной власти, т.-е. два противоположныя начала. Присоединеніе совѣтовъ къ тому же не было собственною мыслью Сперанскаго. Еще въ проектѣ намѣстничествъ, въ 1816 г., предполагалось во всей Россіи учредить при намѣстникахъ совѣты, съ правомъ совѣщательнаго голоса; въ запискѣ Козодавлева упоминается о примѣненіи совѣта собственно къ Сибири. Самый совѣтъ притомъ у Козодавлева имѣетъ болѣе широкую программу, чѣмъ у Сперанскаго. Учрежденіе совѣтовъ имѣло разительное сходство съ тѣми учреждениями, которыя Сперанскій приводилъ въ дѣйствіе въ первую счастливую эпоху своей дѣятельности въ министерствахъ». Насколько они близки были этимъ учреждениямъ, по мнѣнію Корфа, далеко неудавшимся и несоотвѣтствовавшимъ первоначальнымъ планамъ Сперанскаго, это трудно сказать, но что они были по плану, давно принятому для общаго управленія, съ этимъ нельзя не согласиться, потому что главное управленіе Сибири было сколкомъ съ обыкновенныхъ губернскихъ правленій, введенныхъ въ Россіи, съ нѣкоторымъ выдѣленіемъ совѣта и правомъ обсуждать только дѣла въ болѣемъ размѣрѣ. Точно также они соотвѣтствовали и принятому принципу коллегіальнаго порядка обсужденія дѣлъ въ присутственныхъ мѣстахъ, принципу, существовавшему довольно давно и, какъ видимъ, не разъ предлагавшемуся. Если чѣмъ и отличались сибирскія проектируемыя губернскія и главныя управленія съ совѣтами, состоящими въ подчиненіи у губернаторовъ, то очень незначительно отъ прочихъ присутственныхъ мѣстъ въ Россіи, но ничѣмъ не разнились въ принципѣ. Сперанскій старался примирить неудобства сибирскаго управленія соединеніемъ коллегіальнаго порядка съ единоличнымъ и гарантировать

обыкновенной комбинаціей при помощи зависимости однихъ чиновниковъ отъ другихъ.

Въ общемъ, измѣненія и проекты Сперанскаго были столь скромны и столь соотвѣтственны обыкновенному канцелярскому порядку, что прошли чрезвычайно легко въ комитетѣ, и разномыслія здѣсь были незначительны, исключая его проекта объ освобожденіи подзаводскихъ крестьянъ, что и было отклонено. Но Сперанскій почему-то боялся, что его проекты и въ этомъ видѣ не пройдутъ. Это даетъ поводъ г. Вагину задаться вопросомъ: вышли ли проекты Сперанскаго въ томъ видѣ, въ какомъ они были представлены, или были значительно измѣнены? «Нѣкоторые сибирскіе старожилы, — отвѣчаетъ г. Вагинъ, — рассказывали намъ, что изданное учрежденіе о Сибири значительно разнится отъ первоначальнаго проекта, что въ послѣднемъ, напримѣръ, былъ данъ просторъ выборному началу, котораго вовсе нѣтъ въ утвержденномъ учрежденіи, что сибирскому управленію предполагалось дать устройство гораздо болѣе свободное отъ централизаціи, что въ Сибири предполагалось учредить особый департаментъ сената и т. п.». Нѣкоторые изъ этихъ рассказовъ могли быть вымышлены, но другіе согласны съ мнѣніемъ Сперанскаго, говорившемъ «о силѣ» своихъ предположеній. Это дало поводъ заключить, что проекты Сперанскаго были увезены вчернѣ и что онъ, «по обыкновенной своей уступчивости», рѣшился передѣлать ихъ въ Петербургѣ, видя невозможность провести ихъ цѣликомъ. Изъ матеріаловъ, біографій, свѣдѣній и писемъ Сперанскаго нынѣ ничего однако не подаетъ повода заключить, что его проекты были измѣнены. Опасался же Сперанскій вѣроятно того, что, вслѣдствіе потери вліянія и оппозиціи ему въ Петербургѣ Аракчеева, даже самые незначительные его проекты будутъ отвергнуты. Такое объясненіе гораздо проще.

Какъ бы то ни было, изъ всѣхъ этихъ предположеній видно, что новое учрежденіе сибирскаго управленія не удовлетворило ожиданіямъ и страдало недостатками, которые съ перваго же раза были замѣчены. Учрежденіе это обвиняли въ томъ, что оно ведетъ къ послѣдствіямъ, совершенно противоположнымъ, чѣмъ было высказано въ программѣ, начертанной въ основаніяхъ. Наконецъ, ставили въ вину, что проектъ Сперанскаго основанъ былъ на одномъ бюрократическомъ началѣ. Обвиненія эти раздавались какъ изъ лагеря консерваторовъ, недовольныхъ замѣною стараго режима бюрократическими формами, взаимнѣ приказнаго произвола, такъ и людьми, ожидавшими отъ Сперанскаго болѣе реформаторской инициативы. Одинъ изъ про-

тивниковъ сибирскаго учрежденія, Геденштромъ, замѣчалъ при его введеніи: «Сперанскій долженъ былъ возстановить въ Сибири дѣйствіе законовъ и съ ними навлекъ гибель на Сибирь, потому что исполнителями законовъ какіе стали чиновники, чужіе только удовлетвореніе своей прихоти и корысти»... «Вмѣсто общаго желѣзнаго вѣка, учрежденіе ввело бумажный, увеличивъ до крайности письменное производство»... «Власть генераль-губернатора только повидимому ограничена совѣтомъ, въ дѣйствительности всѣ дѣла рѣшаются по его произволу». Такіе и подобные отзывы раздавались объ учрежденіи. Но мы остановимся на болѣе современной критикѣ сибирскаго учрежденія, принадлежащей добросовѣстному изслѣдованію г. Вагина.

«Сибирское учрежденіе имѣетъ другіе, болѣе очевидные въ наше время недостатки, возбуждаетъ другіе, болѣе серьезныя вопросы,—говорить онъ. Первымъ условіемъ программы Сперанскаго были гласность и публичность дѣйствія власти. Но именно этого условія и не выполняетъ учрежденіе. Оно замыкаетъ дѣятельность власти въ тѣсный кругъ канцелярій и присутствій, и тѣмъ самымъ налагаетъ на нее характеръ бюрократизма, а не гласности и публичности. Въ сибирскомъ учрежденіи нигдѣ не постановлено того, чтобы постановленія совѣтовъ обнародывались во всеобщее свѣдѣніе. Слова программы о публичности и гласности дѣйствій власти остались безъ всякаго приложенія въ самомъ законѣ. При отдаленности правительственнаго надзора, при слабости общественнаго мнѣнія, недостатокъ публичности и гласности давалъ исполнителямъ возможность обходить и даже прямо нарушать его, безъ опасенія, что такіе поступки ихъ получаютъ полную извѣстность»,—замѣчаетъ г. Вагинъ.

Другой важный недостатокъ составляетъ, по мнѣнію г. Вагина, та слабая степень самостоятельности, какую, по учрежденію Сперанскаго, представляетъ организація мѣстныхъ совѣтовъ. Членамъ совѣтовъ предоставлено важное право, — право и единоличнаго, и коллективнаго протеста; но члены совѣтовъ, хотя высоко поставленные въ составѣ мѣстной администраціи, находятся въ прямой зависимости отъ генераль-губернатора, или губернатора, и потому не могутъ съ полною свободою употреблять свое право протеста. «Всякій дорожить своимъ мѣстомъ», справедливо замѣчалъ Геденштромъ. Притомъ самое право протеста было весьма ограничено. Къ тому же, можно было всегда обойти протестъ и принять самую противозаконную мѣру, не внося ея въ совѣтъ. По дѣламъ же, лично зависящимъ отъ начальника, право протеста вовсе не имѣетъ мѣста и произволъ можетъ царить во всей силѣ. Такимъ обра-

зомъ, самое главное установленіе, на которомъ созидалось управленіе, не достигало своей цѣли. Сибирское учрежденіе, кромѣ того, было составлено «наскоро», присовокупляетъ г. Вагинъ, и ясное и понятное лишь для самого Сперанскаго—оно оставляло широкій просторъ для произвольныхъ толкованій другимъ.

Мало того, въ своемъ проектѣ о сибирскомъ управленіи Сперанскій не только не былъ прогрессивнѣе другихъ, но стоялъ даже ниже въ своихъ требованіяхъ другихъ государственныхъ людей. Указывая главные и существенные недостатки въ проектѣ Сперанскаго, г. Вагинъ говоритъ: «невольно является вопросъ, почему Сперанскій не воспользовался мыслью Козодавлева—вести выборный элементъ въ высшее сибирское управленіе? Ему были извѣстны личности, совершенно способныя для выборовъ въ этомъ случаѣ, довольно недюжиннаго ума и порядочно образованныя для того времени. Вѣроятно онъ поразился,—говоритъ г. Вагинъ,—тѣмъ безмолвнымъ, поработаннымъ состояніемъ, въ какомъ даже нынѣ находятся служащіе по выборамъ, во всѣхъ смѣшанныхъ учрежденіяхъ. Эта зависимость объяснялась однако очень просто, какъ положеніемъ городскихъ и сельскихъ обывателей въ общей лѣстницѣ сословій, такъ ихъ невѣжествомъ». Но недостатки эти, по мнѣнію г. Вагина, были исправимы. Тѣмъ не менѣе участіе выборныхъ лицъ, присовокупляетъ онъ, въ мѣстныхъ главныхъ совѣтахъ могло быть устроено и на лучшихъ началахъ. При хорошей организаціи выборовъ, могли избираться лучшіе люди страны, люди независимые и по уму, и по характеру, и по своему положенію. Такъ какъ такихъ людей требовалось бы немного, то и выборъ ихъ не былъ бы особенно затруднителенъ. Если бы даже большинство ихъ и предавалось обычной нашей апатіи къ общественнымъ дѣламъ, то изъ среды ихъ могли время отъ времени выдаваться личности, которыя вполне сознавали бы свое назначеніе и выполняли его съ энергіею и достоинствомъ. Появленіе такихъ личностей въ кругу зависимаго чиновничества, участіе ихъ въ дѣлахъ и вліяніе ихъ приносило бы несомнѣнную пользу. Во всякомъ случаѣ, участіе выборныхъ и въ извѣстной степени независимыхъ лицъ въ высшемъ управленіи страной служило бы обезпеченіемъ противъ произвола, и—что еще важнѣе, и что принесло бы положительную пользу—участіе людей, близко знакомыхъ съ страной и тѣсно связанныхъ съ ней своими интересами, могло помогать высшей администраціи въ знакомствѣ съ положеніемъ и нуждами края, особенно въ экономическомъ отношеніи. По всему этому нельзя

не пожалѣть, что Сперанскій не воспользовался мыслью Козодавлева, если это зависѣло отъ него, а не отъ обстоятельствъ.

Изъ матеріаловъ видно, что проектъ Козодавлева былъ извѣстенъ Сперанскому, что доказывается письменнымъ отвѣтомъ на записку его. «Въ теоріи я совершенно встрѣтился съ вашими мыслями, — писалъ Сперанскій, — *на практикѣ не знаю*, но употреблю все усилія согласить ихъ». Но, вѣроятно, въ это время убѣжденія Сперанскаго вообще не особенно клонились къ выборному началу. Изъ его управленія въ Сибири видно, что онъ подавилъ и уничтожилъ его даже тамъ, гдѣ оно существовало прежде, какъ въ городской и земской полиціи. «Сибирскимъ обывателямъ выборы нерѣдко *обременительны*», писалъ онъ въ сибирскомъ положеніи. Подавленіе выборнаго начала было тѣмъ гибельнѣе, что общество лишалось послѣдней силы и средства защиты. Одинъ изъ иркутскихъ старожиловъ, Н. П. Булатовъ, говоритъ, что «купечество до Трескина было такъ сильно, что пять или шесть губернаторовъ сряду были смѣнены по ихъ жалобамъ». Послѣ террора Пестеля и реформы Сперанскаго, городскія общества навсегда потеряли свою силу и самостоятельность. Мѣры его были совершенно противоположны въ это время мыслямъ Козодавлева о значеніи выборнаго начала въ городахъ.

Въ своемъ проектѣ, какъ видимъ, Сперанскій не рѣшился ввести въ совѣты даже другихъ должностныхъ лицъ, кромѣ занимающихъ уже извѣстныя должности на мѣстѣ. Совѣтъ предполагалось составить изъ губернатора и предсѣдателей губернскихъ мѣстъ. Эти недостатки самъ Сперанскій признавалъ и дѣлалъ такія объясненія въ своемъ отчетѣ. «*Правильнѣе* было бы составить такой совѣтъ изъ лицъ, мѣстному управленію постороннихъ. Но, *во-первыхъ*, составить его изъ дворянства или купечества невозможно потому, что тамъ, въ Сибири, нѣтъ дворянства и весьма мало купечества; *во-вторыхъ*, составить совѣтъ изъ чиновниковъ постороннихъ было бы противно экономіи въ людяхъ. — Впрочемъ, когда Сибирь болѣе будетъ имѣть населенія, когда богатства ея придутъ въ болѣе движеніе и доходы умножатся, тогда можно будетъ составить совѣтъ главнаго ея управленія изъ людей *высшаго сословія*, сіе не сдѣлаетъ существенной перемѣны въ предполагаемомъ нынѣ учрежденіи». Однако, мѣры, предложенныя Сперанскимъ, столь были ничтожны и неудовлетворительны, что «сибирскій комитетъ» призналъ нужнымъ составить совѣтъ главнаго управленія, хотя отчасти, изъ особыхъ чиновниковъ, неподчиненныхъ генералъ-губернатору. Такое поведеніе Сперанскаго въ Сибири, неоправдавшее ожиданій, невольно возбуждаетъ удивле-

ніе изслѣдователей, припоминая прежнюю роль Сперанскаго, какъ реформатора, а потому стараются объяснить ее только исключительностью его положенія.

Матеріалы указываютъ, что положеніе Сперанскаго въ Сибири дѣйствительно не было спокойнымъ и увѣреннымъ. Изъ писемъ къ Кочубею видно, что во время отъѣзда Трескина онъ даже опасается, чтобы тотъ не вернулся въ Сибирь, снова оправдавшись. Точно также онъ зналъ, что Пестель въ Петербургѣ имѣлъ связи у Аракчеева. Враги не оставляли Сперанскаго и въ Сибири, какъ видно изъ той же переписки. Въ Петербургѣ интриговали и старались увѣрить, что онъ даже «безбожникъ, не вѣруетъ во Христа» и т. п., хотя Сперанскій былъ религіознѣе враговъ своихъ. Въ одно время нападаетъ на него отчаяніе и рѣшимость выйти въ отставку и ѣхать умирать въ Пензу. Такое положеніе для реформатора не особенно было выгодно, особенно при его стремленіи во что бы то ни стало добиться пріѣзда въ Петербургъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ многія изъ его мѣръ показывали, что и самый образъ мыслей его колебался. «И самъ онъ былъ уже далеко не тотъ, какъ прежде,—пишетъ г. Вагинъ:—удары судьбы сильно его измѣнили. Тотъ же свѣтлый государственный умъ, та же неутомимая дѣятельность, но онъ уже унизился до ласкательства даже предъ Аракчеевымъ. Въ немъ зародилось сомнѣніе на счетъ прежнихъ кабинетныхъ *предначертаній*, а про прежнюю свою дѣятельность онъ думалъ, что, не зная Россіи, онъ надѣлалъ тьму глупостей. Кромѣ того, его мнѣнія были, вѣроятно, уступками господствовавшимъ тогда въ Петербургѣ понятіямъ. Не должно забывать, что вообще въ Россіи, во время пребыванія Сперанскаго въ Сибири, начиналась и впослѣдствіи развилась до крайнихъ размѣровъ эпоха реакціи и застоя... Но, кромѣ внѣшнихъ обстоятельствъ, матеріалы доказываютъ нынѣ, что Сперанскій держался въ это время и другихъ мнѣній; это видно изъ его переписки съ Кочубеемъ, съ взглядомъ котораго онъ началъ сходитьсѣ, несмотря на то, что они прежде рѣзко расходились. Наконецъ, изъ его записки: «Нужды и желанія», гдѣ онъ опредѣленно выразилъ мнѣніе противъ возможности представительства въ Россіи, видно, какъ круто онъ переиначился въ это время». Все это можетъ заставить подумать что его прежніе взгляды или далеко не были столь различны отъ позднѣйшихъ, чтобы не допускать перехода, или недостаточно были стойки и являлись дѣйствительно увлеченіемъ, которое не имѣло глубокихъ основъ и быстро испарялось при первомъ практическомъ столкновеніи, тогда какъ другіе взгляды, пріобрѣтенные давней практикой, остались.

Стремленія Сперанскаго въ эту эпоху ограничивались, какъ видно, устраненіемъ произвола и взяточничества въ администраціи, что онъ думалъ сдѣлать, замкнувъ дѣятельность администраторовъ въ строгія формы и правила, ограничивъ ихъ законами и взаимнымъ контролемъ. Онъ полагалъ, что «точно опредѣленные правила для чиновниковъ поставятъ оплотъ отъ злоупотребленій и неразумія». Проведеніе строгаго коллегіальнаго и канцелярскаго порядка составляло постоянный предметъ его дѣятельности. Принимая во вниманіе, что такой порядокъ въ свое время составлялъ замѣну старо-приказнаго произвола и продажности, мы должны признать, что стремленія Сперанскаго были до извѣстной степени прогрессивны. Въ головѣ Сперанскаго выработывался новый административно-бюрократическій типъ безкорыстнаго чиновника. Введеніе законности въ Сибирь, вмѣсто прежняго произвола, ставится ему въ заслугу. По словамъ г. Вагина, «Сперанскій не былъ бюрократъ, понимая подъ этимъ словомъ наивно одно только бесполезное многописаніе, а стремился къ простотѣ и удобности обрядовъ» (т.е. сокращенію переписки). Сперанскій, конечно, не былъ приверженцемъ писанія ради писанія: онъ былъ проводникомъ извѣстной системы, и отрицать систему, проводимую имъ, едва ли слѣдуетъ, изъ опасенія лишить его единственной заслуги, т.е. утвержденія порядка, который онъ считалъ лучшимъ.

Достигло ли, однако, учрежденіе Сперанскаго всѣхъ цѣлей, къ которымъ онъ стремился? Установленіе Сперанскаго существовало около 50-ти лѣтъ, и послѣ него этотъ опытъ далъ достаточные результаты въ Сибирь, чтобы судить о немъ. Придуманное Сперанскимъ совѣты далеко не оправдали своего назначенія: они не нашли никакой самостоятельности и не были ни гарантіей отъ злоупотребленій, ни ограничивали власть отдѣльных начальниковъ. Совѣты явились вполнѣ имъ подчиненными и были только «ширмами для генераль-губернаторской власти», какъ выразился одинъ изъ критиковъ позднѣйшаго сибирскаго управленія, Дм. Завалишинъ, въ письмахъ о Сибири, въ «Московск. Вѣд.», 1865 и 1866 г. Генераль-губернаторская власть, по прежнему усиливаясь и сосредоточивая въ себѣ всѣ части управленія, по-прежнему воротилась къ прежнему вицеройству, къ прежней регламентаціи, а губернаторская власть или была бессильна противъ злоупотребленій, или относилась равнодушно къ нимъ. Такимъ образомъ, планъ Сперанскаго въ главныхъ чертахъ совершенно оказался практически несостоятельнымъ, онъ имѣлъ слабую гарантію, а потому и началъ разрушаться при его преемни-

кахъ. Правила, начертанныя Сперанскимъ, никѣмъ не исполнялись, и одинъ путешественникъ по Сибири отзывался, что уложение было утопией, дарованной испорченнѣйшему въ мірѣ обществу. Послѣ Сперанскаго, Рупертъ, управлявшій Камчаткой, выразился, что онъ такъ связанъ, что можетъ зла сдѣлать сколько угодно, а добра нисколько (Sibirien, Kottrell. Dresden und Leipzig, 1846 г.). Правда, вину въ бездѣтельности созданныхъ учреждений трудно сваливать на одного Сперанскаго: этому было много причинъ, а между прочимъ и кратковременность пребыванія Сперанскаго; его личное вліяніе въ Сибири не могло еще укрѣпить въ народѣ чувства законности и независимости отъ произвола. Невозможно было также, чтобы положеніе дѣлъ вдругъ измѣнилось, потому только, что Сибири даны новые законы, тогда какъ *вся другія условія сибирской жизни остались по старому*. Большинство исполнителей вовсе было неспособно понять идеи Сперанскаго и провести ихъ въ свою дѣятельность, а тѣ, кто понималъ ихъ, искали только орудія для своихъ интересовъ. Многіе изъ преемниковъ и исполнителей плана Сперанскаго далеко не стояли на высотѣ своего призванія. По отъѣздѣ Сперанскаго явились намѣстники, которые стремились парализовать его планъ и дѣйствовать противно ему. Уже первый генералъ-губернаторъ западной Сибири Капцевичъ (протекѣ Аракчеева), съ самаго поступленія въ это званіе, сталъ ниспровергать тѣ правительственныя начала, коихъ введеніе и охраненіе составляло его обязанность. Вообще, мы не ошибемся, если скажемъ, что сибирскіе законы Сперанскаго никогда не дѣйствовали въ полной силѣ. Нѣкоторыя части ихъ даже вовсе не были приведены въ исполненіе. Такъ, напримѣръ, особые законы для суда надъ инородцами и особое сельское положеніе для суда крестьянъ даже никогда не были изданы. Степныя думы, проектируемыя для инородцевъ, должны были доставить самостоятельное управленіе, подчиненное только общимъ окружнымъ управленіямъ, на практикѣ же онѣ подчинились земскимъ судамъ и сдѣлались чѣмъ-то въ родѣ волостныхъ правленій. Вмѣстательство земской полиціи въ дѣла инородцевъ, устранимое Сперанскимъ, явилось прежнее. Права хозяйственнаго самоуправленія, данныя Сперанскимъ иркутскимъ казакамъ, были нарушены на первомъ же шагу и впослѣдствіи постоянно нарушались. Заселеніе ссыльными Сибири и приученіе ихъ къ осѣлости, согласно уставу о ссыльныхъ, проектированному Сперанскимъ, вовсе не удалось. Кромѣ того, начинали развиваться прежніе порядки. Послѣ Сперанскаго усилилась централизація министерствъ и парализовала власть

и самостоятельность мѣстныхъ учреждений; послѣднія же, по при-
мѣру министерствъ, стремились усилить мѣстную централизацію.
Сибирскіе генераль-губернаторы пріобрѣли прежнюю силу и не-
зависимость, чему способствовало присоединеніе различныхъ вѣ-
домствъ. Искусственная регламентація снова входитъ въ при-
вычки администраціи. Капцевичъ создавалъ военныя поселенія.
Въ западной Сибири дѣлались попытки введенія опеки государ-
ственныхъ имуществъ, отжившихъ свое время во внутреннихъ
губерніяхъ. Въ восточной Сибири цѣлыя населенія зачислялись
въ казаки, которые напоминали аракеевскія поселенія, и снова
стали нисходить до трескинскаго строительства и вмѣшиваться
въ мелочи городского хозяйства и архитектурской части. Одни
украшали городъ, другіе ломали дома, третьи проектировали
увеселенія, а главныя задачи управленія ускользали. Проявля-
лись отпрыски прежняго произвола и злоупотребленій. Такимъ
образомъ даже тѣ слабыя предположенія и облегченія, къ кото-
рымъ стремился Сперанскій, не оправдались. Уже въ 1827 году
дѣйствія Капцевича вызвали сенаторскую ревизію въ западной
Сибири. Въ 1844—46 г. производилась ревизія восточной, а
въ 1851 г. опять западной Сибири. Эти двѣ ревизіи открыли
важные безпорядки въ положеніи края. Послѣ этого нельзя не
вѣрить отзыву одного современника Сперанскаго, замѣчаетъ г.
Вагинъ, что «при немъ было какъ-будто лучше—тише нѣ-
сколько, а тамъ опять все пошло по старому». «Только по малу-
то не брали», — прибавляетъ другой современникъ (Мат., стр. 395).
До правительства доходили одни частные случаи; болѣе общія
понятія о положеніи дѣлъ оно могло имѣть только изъ отчетовъ
или сенаторскихъ ревизій. Но отчеты составляли сами исполни-
тели, и повѣрять ихъ на мѣстѣ было невозможно. Ревизіи захва-
тывали только одинъ извѣстный періодъ времени, и по окончаніи
ихъ все могло идти по старому. Общественное мнѣніе если и
было, то не имѣло для себя выраженія. Многіе вновь вводившіеся
законы ослабили впослѣдствіи прежнія учрежденія, сивившіеся
ограничить генераль-губернаторскую власть, а другихъ учреж-
деній не вводилось. Самыя существенныя, самыя полезныя ре-
формы новаго царствованія, послѣ освобожденія крестьянъ, какъ
новый судъ и земскія учрежденія и проч., еще не коснулись Си-
бири. Все это мало способствовало измѣненію къ лучшему си-
бирскаго управленія, и недостатки этого управленія столь явно
нынѣ обнаружались, что, по мнѣнію правительства, требуется
вновь разсмотрѣніе болѣе удобныхъ и совмѣстныхъ съ мѣстными
условіями началъ управленія. Въ послѣднее время въ печати

вновь начали появляться мнѣнія о необходимости реформъ въ Сибири. Неудовлетворительное положеніе дѣлъ въ сибирской администраціи выражалось въ послѣднее время циркулярами генераль-губернатора Синельникова, точно также публикуемыми распоряженіями генерала Фридерикса, указывавшаго на медленный ходъ дѣлъ и другіе безпорядки. То же обнаруживалось въ западной Сибири: тобольскій губернаторъ указывалъ недавно на накопляющіяся дѣла въ судебныхъ мѣстахъ.

Настоящее положеніе администраціи характеризуется, наконецъ, слѣдующими отзывами мѣстныхъ начальниковъ губерній. Вотъ какъ отзывается начальникъ иркутской губерніи въ своемъ отчетѣ о положеніи дѣлъ: «въ административныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ губерніи цѣликомъ сохранилась прежняя централизація, смѣшеніе власти, неравномѣрность въ распредѣленіи труда и бѣдность его вознагражденія. Судебныя учрежденія страдаютъ скопленіемъ дѣлъ въ судахъ первой степени, такъ что дѣла лежатъ по пяти и шести лѣтъ безъ движенія; судебная дѣятельность полиціи характеризуется тѣмъ фактомъ, что изъ ста семидесяти-одного уголовного дѣла, представленнаго на утвержденіе начальника, отмѣнено въ 1872 году—100». О сельскомъ правленіи говорится слѣдующее: «въ волостныхъ правленіяхъ головы безграмотны, выправляютъ за нихъ писаря. Дѣлопроизводство въ волостныхъ правленіяхъ громадное, выпускаютъ до 20,000 нумеровъ въ годъ исходящихъ бумагъ; разнообразіе обязанностей требуетъ такой всесторонности, какой не можетъ добиться отъ своихъ органовъ даже губернская администрація. Кромѣ того, приносятся жалобы на злоупотребленія въ инородческихъ управахъ». Все это можетъ исчезнуть, говоритъ начальникъ, когда будутъ въ Сибири учрежденія, коими пользуется и европейская Россія. Сибирскія же учрежденія отжили свое время. Относительно сибирскаго общества дѣлаются имъ слѣдующія замѣчанія: «общественныя потребности здѣсь не сознаются; нѣтъ крѣпко организованнаго общества, которое сознавало бы свою солидарность и умѣло управлять своими интересами. Недостатокъ этотъ обнаруживается тѣмъ, что золотопромышленники жертвуютъ сотни тысячъ на устройство театра, богадѣльни и юнкерской школы, а между тѣмъ никто ничего не пожертвовалъ на дѣло изученія причинъ эпизоотіи и проч.» (Отчетъ начальн. иркут. губерніи за 1873 годъ). Точно также характеризуется положеніе дѣлъ въ томской губерніи: «главный недугъ судебныхъ и административныхъ мѣстъ въ западной Сибири заключается въ постоянной медленности и накопленіи дѣлъ,—говоритъ начальникъ

томской губернии, — что происходит отъ недостатка развитыхъ дѣятелей. Мѣстные учебныя заведенія, хотя и выпускаютъ каждый годъ известное число воспитанниковъ, окончившихъ курсъ, но лучшіе изъ нихъ отправляются въ университеты и уже не возвращаются сюда; кто остается — не удовлетворяетъ потребности. Ожидать пріѣзда на службу способныхъ людей изъ внутреннихъ губерній имперіи невозможно, потому что тамъ представляется нынѣ болѣе, нежели въ Сибири, обширное поприще правительственной и общественной службы при весьма хорошемъ вознагражденіи. Въ Сибири же штаты прежніе и ограниченные: столоначальникъ губернскаго правленія получаетъ 285 рублей жалованья въ годъ; помощникъ его — 215 рублей. Между тѣмъ, по нынѣшнимъ цѣнамъ, лакей уже получаетъ 10 рублей въ мѣсяцъ, итого 120 въ годъ». Волостныя правленія, по отчету, не представляютъ ничего отраднаго; волостное начальство безграмотно, фактически управляютъ ими писаря изъ мѣщанъ и другихъ званій, наприм. изъ ссыльныхъ, несвязанные съ мѣстнымъ обществомъ никакими интересами, часто безнравственные и заботящіеся только о собственной своей выгодѣ; отсюда растраты, причемъ писарь остается въ сторонѣ, а отвѣчаютъ волостные начальники. Устранить это можетъ единственно развитіе грамотности и выборы изъ мѣстныхъ крестьянъ, — говоритъ начальникъ края. — Административный и судебный строй остается для Сибири тотъ же со времени Сперанскаго, т. е. съ 1822 года, — прибавляетъ онъ, — особенно судебныя учрежденія, несмотря на увеличеніе населенія и переполненіе края элементомъ ссыльных; поэтому нынѣ дѣйствующія учрежденія не могутъ справиться съ громаднымъ количествомъ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ. До сихъ поръ принимаемыя мѣры оказываются паліативными и все вызываетъ необходимость судебной реформы въ Сибири во всемъ составѣ (Отчетъ начальника томской губерніи за 1873 годъ). Подобные же отзывы мы находимъ о другихъ областяхъ Сибири. Наконецъ, это свидѣтельствуется и другими фактами: послѣднее время генералъ-губернаторъ Казнаковъ застаётъ западную Сибирь далеко не въ утѣшительномъ видѣ, какъ объ этомъ писалось. Пріѣздъ его напомнилъ пріѣздъ Сперанскаго въ Сибирь, жители осыпали его прошеніями и жалобами. Во время его ревизіи обнаружены многія злоупотребленія и недостатки. Не вдаваясь въ подробности, мы можемъ замѣтить, что настоящій моментъ во многомъ сходствуетъ съ эпохою, которую переживала Сибирь передъ пріѣздомъ Сперанскаго — также чувствуется потребность перемѣнъ и обновленія. Какъ тогдашняя Сибирь во

многомъ отставала отъ Россіи, такъ и нынѣшняя отстаетъ и не похожа на внутреннія губерніи, живущія послѣ реформъ нынѣшняго царствованія другою жизнію. Эпоха, на которую простирались учрежденія Сперанскаго, какъ видно, оканчивается свое существованіе и отжила свое время, а съ этимъ вмѣстѣ является къ учрежденіямъ Сперанскаго болѣе независимое и критическое отношеніе.

Какъ бы мы ни объясняли обстоятельствами неудачи учрежденіе Сперанскаго, которое было и не вполне введено, тѣмъ не менѣе мы приходимъ къ заключенію, что основныя цѣли его программы—контроль и гласность управленія—не были имъ достигнуты вслѣдствіе существенныхъ недостатковъ самаго учрежденія, начертаннаго имъ. И ошибка была въ принципѣ. Сперанскій слишкомъ положился на одни оффиціальныя, коллегіальныя учрежденія и не обратилъ вниманія на другія стороны общественной жизни, которыя должны были способствовать администраціи и питать самыя учрежденія. Онъ мало придавалъ значенія общественному развитію и подготовленію общества и администраціи къ той дѣятельности, которую долженъ былъ всегда имѣть законодатель въ будущемъ. Въ этомъ случаѣ нельзя не согласиться съ замѣчаніемъ г. Вагина: «Но жизнь народа зависитъ не отъ однихъ учреждений административныхъ. Она развивается подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ условий. Эти условія иногда гармонируютъ между собою, иногда противодѣйствуютъ одно другому. Отъ взаимодѣйствія или противодѣйствія ихъ зависитъ бѣльшая или меньшая быстрота народнаго развитія, то или другое направленіе народной жизни; но ни въ какомъ случаѣ народная жизнь не можетъ зависѣть исключительно отъ одного изъ этихъ условий. Учрежденіе страны именно только одно изъ условий народной жизни,—правда, одно изъ важнѣйшихъ, но во всякомъ случаѣ не единственное. Невозможно приписывать однимъ только учрежденіямъ успѣхъ или упадокъ народной жизни; можно только показать мѣсто, какое они имѣли въ кругу другихъ благопріятныхъ и неблагопріятныхъ условий. Степень вліянія однихъ и тѣхъ же учреждений на народную жизнь можетъ быть совершенно различна; здѣсь многое,—если не все, — зависитъ отъ обстоятельствъ». По этому поводу авторъ указаннаго сочиненія о Сперанскомъ старается обратить вниманіе на тѣ элементы, изъ которыхъ слагалась сибирская жизнь и общее ея теченіе подъ вліяніемъ различныхъ условий. Сибирь никогда не знала крѣпостнаго права; но, къ сожалѣнію, вліяніе и привычки крѣпостнаго права отразились и въ Сибири, — они

выразились въ самовластїи и опежѣ, переносимыхъ изъ Россїи разными дѣателями. «Права и бытъ людей, — говоритъ г. Вагинъ, — подѣ влияніемъ такихъ дѣателей измѣнились далеко не къ лучшему, и нерѣдко появлялось между ними то царство террора, къ которому были способны только начальники, воспитанные въ духѣ Аракчеевскихъ поселеній или бывшихъ кадетскихъ корпусовъ». Къ числу важныхъ, задерживавшихъ развитіе общества, условій, кромѣ того, авторъ относитъ отсутствіе и недостатокъ на мѣстѣ образованія. Народное образованіе шло здѣсь чрезвычайно медленно. Сельскія училища, такъ сильно поддержанныя Сперанскимъ, были болѣею частью закрыты при его преемникѣ. Въ западной Сибири только послѣ 50-хъ годовъ сдѣланы попытки къ учрежденію этихъ училищъ. Кромѣ двухъ гимназій, существовавшихъ при Сперанскомъ, только въ концѣ 30-хъ годовъ была открыта третья гимназія въ Томскѣ, и затѣмъ въ 1869 г. въ Красноярскѣ. Число училищъ осталось то же, какое было при Сперанскомъ!

При Сперанскомъ была мысль о высшей школѣ въ Сибири, мысль объ университетѣ въ Сибири существовала еще съ 1803 года, но не была рѣшительно ни поддержана, ни настойчиво проведена. Вообще, въ мѣстной администраціи этотъ вопросъ долго игнорировался, хотя потребность просвѣщенія все болѣе росла. А между тѣмъ населеніе всегда сильно ощущало и при всякомъ случаѣ выказывало потребность въ образованіи. Оно отдавало своихъ дѣтей учить всякому, кто только хотъ сколько-нибудь былъ способенъ къ этому, не исключая и ссыльныхъ. Желаніе поступить въ университетъ было замѣтно изъ того, что нѣкоторые изъ сибиряковъ идутъ безъ всякихъ средствъ пѣшкомъ въ Казань, Москву и Петербургъ. Число средне-учебныхъ заведеній между тѣмъ было долго очень невелико, они страдали болѣе или менѣе серьезными недостатками. Это, по необходимости, задерживало стремленіе сибиряковъ къ высшему образованію. Можно судить, какъ бы оно было велико при другихъ, болѣе благопріятныхъ условіяхъ; можно также представить, какую огромную пользу принесло бы здѣсь общанное еще съ 1825 г. высшее учебное заведеніе, и что оно потеряло оттого, что мысль объ этомъ заведеніи въ теченіи пятидесяти лѣтъ оставалась однимъ только проектомъ... Отсутствіе высшаго учебнаго заведенія въ Сибири лишало администрацію возможности пріобрѣсти на мѣстѣ свой контингентъ образованныхъ людей. Сперанскій писалъ, что учрежденія безъ людей тщетны, и что законы не могутъ исполняться безъ исполнителей. Недостатокъ людей онъ считалъ величайшимъ препят-

ствіемъ къ осуществленію наилучшихъ даже узаконеній, Сибирь же должна была довольствоваться только пріѣзжими образованными людьми. Самъ Сперанскій думалъ не столько о юридическомъ образованіи для мѣстныхъ дѣятелей, сколько о преимуществахъ для привлеченія чиновниковъ; такъ—онъ проектировалъ раздачу земель за выслугу, которая не повела ни къ чему и благоразумно была отмѣнена правительствомъ. Въ первое время Сперанскій замѣчалъ уже съ горечью, что въ Сибирь ѣдутъ только «титულлярные совѣтники», т.-е. люди невѣжественные, которые вслѣдствіе указа, изданнаго объ университетскихъ экзаменахъ, не имѣютъ никакой надежды служить въ Россіи. Впослѣдствіи также вводились различныя привлеченія на службу въ Сибирь, какъ—двойные прогоны и половина годового жалованья, но контингентъ чиновниковъ не былъ удовлетворительнѣе. «Большинство всегда увлекали въ Сибирь слухи, что Сибирь золотое дно,—говорить г. Вагинъ,—что въ ней можно нажитья службой лучше и скорѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ торговлей. Всѣ эти господа не имѣли ничего общаго съ Сибирью; имъ были чужды ея нужды и интересы; они не имѣли ни малѣйшаго понятія о положеніи и учрежденіи края, которому намѣревались посвятить свою дѣятельность, ни желанія принести этою дѣятельностью дѣйствительную пользу краю. Они заботились исключительно о своихъ личныхъ цѣляхъ, а эти цѣли нерѣдко стояли въ разрѣзъ съ пользами края. Эти люди могли быть полезны только случайно, только тогда, если это было согласно съ личными ихъ выгодами; приэтомъ, у нихъ не всегда доставало и умѣнья на что-нибудь полезное. Такими-то лицами долгое время наполнялась низшая администрація Сибири». Однимъ словомъ, въ Сибири выразилось рѣзко явленіе, извѣстное въ наше время подъ именемъ *ташкентства*, и носившее свое мѣстное названіе. Являвшіеся на службу образованные люди точно также не могли дать прочнаго развитія обществу, такъ какъ они пріѣзжали на время и далеко не сливались съ обществомъ, не составляли ничего съ нимъ единого. Въ силу этого недостатка людей, самые лучшіе администраторы оставались одинокими и безсильными въ борьбѣ съ сибирскими безпорядками. Въ такомъ положеніи находились графъ Муравьевъ-Амурскій, Деспотъ-Зеновичъ и мн. др., пробовавшіе искоренять мѣстныя злоупотребленія. Мѣстные начальники жалуются на постоянный недостатокъ людей и на то, что истинно образованныхъ лицъ сюда привлечь трудно. При недостаткѣ образованія само общество грубо; оно не имѣло у себя никакой интеллигенціи, не могло создать ни ученыхъ, ни челоуѣколюбивыхъ,

ни литературныхъ учреждений, ни сколько-нибудь смягчить своихъ нравовъ. При общемъ невѣжествѣ не могло выработаться ни здраваго общественнаго мнѣнія, ни чувства собственнаго достоинства. То, что въ другихъ мѣстахъ ограничивало произволъ или самовластіе, здѣсь потакало ему. Самый составъ общества въ отдаленной Сибири, состоящій изъ торговаго класса, подчиненныхъ чиновниковъ, бѣдныхъ мѣщанъ, безмолвныхъ крестьянъ и дикихъ инородцевъ, не имѣлъ никакого самостоятельнаго значенія и не могъ противопоставить никакого отпора произволу. Дмитрій Завалишинъ, въ «Письмахъ о Сибири» выражается, что магическое слово—острогъ—могло наложить въ Сибири всегда печать молчанія на мѣстнаго обывателя. Правдиваго слова поэтому не раздавалось, а общество искало заднихъ путей, что способствовало какъ развитію злоупотребленій, такъ и пониженію нравовъ. Подобострастіе, грубая лесть невѣжественнаго общества, была всегда къ услугамъ самаго маленькаго начальника въ Сибири и баловала его самого, если онъ только не былъ достаточно отъ нея гарантированъ собственнымъ достоинствомъ. Обѣды, торжества и оваціи начальству, какъ пишетъ одинъ туристъ, вошли здѣсь въ пріятную обязанность. Эта лесть деморализировала обѣ стороны. Сибирскихъ начальниковъ увѣряли, что остатки, напримѣръ, желаютъ поставить монументъ въ честь ихъ и собрали на это пожертвованія, или что иркутскіе бурята назначили стипендіи въ иркутскомъ благородномъ институтѣ дѣвицъ и т. п., между тѣмъ какъ подобныя обольщенія давали поводъ къ новымъ поборамъ. При невѣжествѣ, при забитости жителей, Сибирь оставалась страной безгласности. Если въ Россіи съ реформами развивались новыя требованія жизни, гласность, общественное мнѣніе, мѣшавшее злоупотребленіямъ; если русское общество освѣжилось при помощи многочисленныхъ университетовъ, то въ Сибири ничего этого не было, и она жила, полная до-реформенныхъ нравовъ.

Ко всему этому надо присоединить крайне не-нормальныя условія экономической жизни въ Сибири, точно также дававшія особое направленіе жизни. Разныя монополіи, откупа, золотопромышленность развивали частныя злоупотребленія. Золотопромышленность приобрѣла вскорѣ преобладающее вліяніе на весь экономическій бытъ. Вмѣстѣ съ ней развилась спекуляція, развращеніе нравовъ, подкупы. Благодаря ей, съ одной стороны формировалось могучее сословіе монополистовъ, съ другой — эксплуатація населенія. Въ общемъ своемъ вліяніи привлекая капиталы, она значительно сдерживала развитіе въ Сибири нѣкоторыхъ наиболѣе свойственныхъ ей отраслей промышленности.

Въ странѣ не развивалось долго прочной заводской промышленности, за то какъ въ странѣ, стоявшей на низкой степени культуры, пользующейся привозной мануфактурой въ кредитъ— въ ней распространилась громадная зависимость крестьянъ и инородцевъ отъ торговца и кулака и всѣ злоупотребленія долгового закабаленія, въ которыя поставлены цѣлыя области, въ родѣ Березовскаго, Туруханскаго края, Забайкалья и другихъ мѣстъ.

Особенно было печально положеніе инородцевъ, обреченныхъ на притѣсненія, бѣдствія и, наконецъ, вымираніе. Инородческий бытъ представляетъ самую мрачную картину мѣстной жизни, и борьба администраціи противъ угнетенія инородца до послѣдняго времени была безсильна.

Подобныя условія, задерживая развитіе края, отвлекаютъ жизнь общества въ другую сторону, покрываютъ страну злоупотребленіями и ставятъ затрудненія для администраціи. Общество здѣшнее требовало, поэтому, особенныхъ заботъ объ его воспитаніи, пробужденія въ немъ законности, нравственныхъ чувствъ, солидарности и общественной дѣятельности въ помощь администраціи. А этого и не могли дать учрежденія Сперанскаго,—напротивъ, они сами постоянно парализовались общественною жизнью. Чтобы пробудить общество къ жизни и призвать его къ дѣятельности, необходимы были другія средства, о которыхъ не думалъ Сперанскій и мысль о которыхъ, можетъ быть, не созрѣла въ сознаніи тогдашняго общества. Только въ послѣднее время высказывается, что Сибири необходимы университетъ, земство, гласный судъ, просвѣщеніе, развитіе литературы и науки, открытіе путей гласности и созданіе здраваго общественнаго мнѣнія, могущихъ двинуть жизнь общества на новую дорогу.

Выборное начало, что считалъ необходимымъ министръ Козодавлевъ, и имѣлъ въ виду для будущаго Сперанскій, всего легче можетъ быть нынѣ выполнено при посредствѣ земства. Тамъ, гдѣ администрація, какъ убѣждаетъ трехсотлѣтній опытъ, употребляетъ тщетныя усилія къ искорененію злоупотребленій, естественно же всего обратиться къ самоуправленію и дать большій просторъ ему, создавъ изъ него самый дѣйствительный контроль.

Что касается установленія вообще новыхъ взглядовъ Сперанскимъ на страну, то мы видимъ, по крайней мѣрѣ въ первое время,—они не отличались ничѣмъ особеннымъ; взгляды его во многомъ сходились даже со старинными воззрѣніями на Сибирь. Въ первое время онъ смотрѣлъ на нее, какъ «на мѣсто, пригодное только для ссылки, но не какъ на мѣсто для жизни и

гражданственности, основанной на хлѣбопашествѣ и промышленности». «Сибирь—просто Сибирь», писалъ онъ къ дочери.

Впослѣдствіи, болѣе ознакомившись съ краемъ и особенно объѣхавъ югъ Сибири, онъ нѣсколько разубѣдился. Въ это время о югѣ томской губерніи онъ писалъ Гурьеву, какъ о «краѣ—благословеннѣйшемъ не только въ Сибири, но и въ цѣлой Россіи. Природа его назначила къ сильному и богатому населенію,—говорить онъ,—металлы составляютъ только часть и, можно сказать, не самую важную часть внутренняго его достоинства. Всѣ почти роды хозяйства, и въ самомъ болѣешемъ размѣрѣ, могутъ быть въ немъ устроены». Впослѣдствіи, точно также онъ перемѣнилъ и другое мнѣніе, а именно, что Сибирь населена исключительно ссыльными. Наконецъ, онъ выражалъ мнѣніе, что «Сибирь достойна и по всѣмъ отношеніямъ требуетъ государственныхъ соображеній», и говорилъ, что онъ открылъ Сибирь какъ Ермакъ для Россіи; конечно, онъ разумѣлъ подъ этимъ то, что онъ установилъ своимъ управленіемъ на нее гражданскую точку зрѣнія, но ознакомиться вполнѣ съ нуждами края онъ, конечно, не могъ. Къ сожалѣнію, лучшіе взгляды и воззрѣнія Сперанскаго не получили популярности и не прошли въ общество, за то другіе взгляды долго продолжали еще жить. Сибирь оставалась и послѣ него по-прежнему — «просто Сибирью». Въ сороковыхъ годахъ думали даже, что Сибирь не можетъ приносить никакой выгоды Россіи, что все пространство отъ Алтая до Ледовитаго океана осуждено природой оставаться ледяной пустыней и не имѣть никакого, ни промышленнаго, ни гражданского значенія. Мнѣнія эти, конечно, были въ высшей степени странны относительно мѣстности въ 240,000 кв. миль, съ разнообразнымъ климатомъ и неисчислимыми, нетронутыми богатствами.

Многія нужды и потребности края при Сперанскомъ еще не были выяснены. Такъ, Сибирь остается штрафной колоніей. Благодаря штрафному назначенію, гражданственность сибирскихъ областей надолго задерживалась; точно также онѣ не могли воспользоваться многими правами, доступными другимъ областямъ Россіи: для ссыльныхъ, конечно, не полагалось реформъ. Только нынѣ, по мѣрѣ развитія гражданственности и съ выясненіемъ болѣе промышленнаго, экономическаго и политическаго значенія этого края, устанавливаются на него болѣе благопріятныя воззрѣнія. вмѣстѣ съ тѣмъ, и жизнь края выдвигаетъ цѣлый рядъ мѣстныхъ вопросовъ о значеніи ссылки, о свободной колонизаціи, о соединеніи края съ Европой желѣзными путями, вопросъ инородческій, промышленный, вопросъ о развитіи силъ края и про-

бужденія общественной жизни и т. д. Въмѣстѣ съ тѣмъ, краю придается все болѣе государственное значеніе. Въ дѣлѣ культуры, цивилизаціи и торговли въ Азіи ему указывается уже теперь видная роль въ будущемъ, точно также какъ широкое и богатое развитіе въ условіяхъ его гражданской жизни.

Нечего говорить, что многое не могло быть предугадано во времена Сперанскаго. Нынѣшній законодатель и реформаторъ можетъ стоять уже на другой точкѣ зрѣнія: то, что при Сперанскомъ могло быть главнымъ, то можетъ считаться побочнымъ, и наоборотъ.

Безъ сомнѣнія, реформа Сперанскаго имѣла свое вліяніе. Это былъ все-таки толчокъ жизни, онъ подвинулъ Сибирь отъ безправія XVII и XVIII-го ст., въ которомъ она жила, къ XIX-му вѣку; только благодаря Сперанскому, Сибирь стала на общій уровень русской жизни и могла выдвинуть послѣдующія свои задачи. Но онъ не въ силахъ былъ сдѣлать одного, почему и самая реформа осталась внѣшнею и не выполнѣ достигшею своей цѣли: онъ не могъ вдохнуть жизнь въ общество и привлечь къ участию его собственныя силы. Выгода нашего времени состоитъ прежде всего въ томъ, что мы знаемъ настоящую причину неудачи всѣхъ реформъ Сперанскаго.

Н. Ядринцевъ.

